

ТАМАРА ШАТОХИНА

***Поморская
рапсодия***

Тамара Шатохина

Поморская рапсодия

«Литнет»

2024

Шатохина Т.

Поморская рапсодия / Т. Шатохина — «Литнет», 2024

XVI и XXI век. Русский север и две женщины одного рода. Ситуации разные, но характеры у девчат родненькие. Чего больше в их поступках - гордости или глупости? Решим в конце истории. Все эпизоды из работы скорой помощи взяты из жизни.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	9
Глава 3	13
Глава 4	17
Глава 5	20
Глава 6	24
Глава 7	29
Глава 8	34
Глава 9	38
Глава 10	42
Глава 11	45
Глава 12	49
Глава 13	53
Глава 14	57
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Глава 1

«Рапсодия – инструментальное или вокальное произведение, написанное в свободном, импровизированном, эпическом стиле. Для рапсодии характерно чередование разнохарактерных эпизодов на народно-песенном материале»

Все началось гораздо раньше той зимы. Но неисповедимы пути нашего разума – именно тот зимний день и стал для меня переломным. Или поворотным – так мягче и правильнее, наверное, потому что видала я и хуже времена, однако же...

Сова, как всегда, я спала до последнего.

Звонок будильника отсрочки подъема не предполагал. Пронзительная скрипичная мелодия, с ходу ввинчивающаяся в мозг, означала, что у меня есть только пятнадцать минут чтобы прикрыть постель, привести себя в относительный порядок и одеться.

Дальше следовала короткая пробежка по морозу. Плотно уже набитый автобус, как правило, долго ждать не приходилось. Купив билет у водителя и втиснувшись внутрь, я дремала еще минут двадцать. И не одна я досыпала там, как кони – стоя. Привычно плыла за окнами темень, разбавленная скудным фонарным светом; салон автобуса был так же скупосвещен желтоватыми лампочками, а недовольная ранним подъемом толпа молча колыхалась на рытвинах и равнодушно жалась друг к другу на поворотах.

Угревшись, я иногда даже успевала увидеть короткий сон и тем неприятнее было опять выскакивать на мороз. До подстанции еще нужно было топать, но только тогда я и просыпалась окончательно. Быстро шагала под скрип снега, привычно считая фонарные пятна под ногами и сдерживая внутреннюю дрожь... коренная поморка, зимой я ужасно мерзла.

Автобусных снов я не помнила, но они могли быть о пенсии, потому что такое что-то... спокойное, мирное и беззаботное.

Сейчас вспоминаю... в то утро я просыпалась особенно тяжело и мерзла особенно сильно. Предчувствие вряд ли... за этим точно не ко мне.

Ну и дежурство не задалось с самого начала.

Вначале два вызова подряд и оба повода роды. Ну, не любят на скорой такие вызовы! А реагируем мы на них ради пары может процентов тех, что соответствуют понятию "женщина в родах". Бесит слегка... потому что почти у каждого под окном машина и таксопарков в городе куча, но скорая везет бесплатно – в этом дело? Вот только время наше слишком ценно, а еще мы не занимаемся просто перевозкой пациентов в *нужную* больницу, а везем туда, куда по результатам вызова направит отдел госпитализации. Вернее, не должны заниматься, но к роже-ницам нас гоняют регулярно. И будто что такого – выезд самый простой, но кроме неоправданных нагрузок, иногда ситуация предполагает выбор. Как-то он состоял в том, чтобы мчаться к такой вот "вдруг" ощутившей первую схватку или к человеку, потерявшему сознание на улице. Выбрали мы правильно, но претензий было...

Вернувшись с вызова, дядя Паша пришвартовался рядом с реанимобилем и я обреченно вздохнула – значит сейчас там Демин со своими дурными подкатами. И будто ничего такого... с чувством юмора у мужика порядок. Но зря я когда-то поддалась на провокацию, а дальше он уцепился, как клещ.

Сценарии наших пикировок менялись, иногда мне подыгрывала Юлька. И кто знает, как оно выглядело для тех, кто не был посвящен в наши игры... Похоже правдоподобно, раз заведующий как-то съязвил, отозвав меня в сторонку:

- Я очень надеюсь, Дерягина, что уже в который раз наблюдаю действительно театр... потому что *вам с Юлией Анатольевной* Станиславский не сказал бы своего «не верю».

И как всегда в неловкой ситуации, мой речевой аппарат заклинило. Соображалку тоже. Было жутко стыдно и никак не получалось вспомнить - а что мне помешало когда-то сразу послать Демина в тую даль?

Наверное, просто растерялась, вот и постаралась растворить горький подтекст его шуточек пофигистским отношением к теме своего одиночества.

Не предпринимая ничего всерьез, своими подкатами он как бы намекал на их несбыточность и нереальность. И плевать на конкретную мужскую особь! Я во всем буквально их видела – намеки и подтексты, даже если не было сказанного прямым текстом в мой адрес. А случилось и такое, и все-таки бесило, хотя я и старалась не обращать внимание на дураков. Но Демин глупым не был, да и субординация место имела - все-таки врач-реаниматолог.

Но после того, как мне намекнули на излишне талантливое исполнение лесбийской роли, шутилых и не очень пикировок с Олегом я избегала. Заведующий заставил посмотреть на наш «театр» будто со стороны. Мне и раньше он был не в радость, но в тот день напрягаться и импровизировать, отвечая на домашние заготовки скучающего мужика не хотелось особенно сильно.

И Господь отвел – в ожидании нового вызова наш док мирно спал, устроившись в кресле. Фельдшер его залипал в гаджете, медсестра прилегла на кушетку. Тихо звучала нейтральная музыка, в лицо еще со входа пахнуло приятным теплом.

- Ох, как же у нас хорошо, - шепнула Юлька, опускаясь в кресло и вытягивая ноги.

Дядя Паша сразу ушел к столику с электрочайником, и скоро в той стороне зашипело и забулькало. Водители тихо говорили о своем и шелестели пакетами с завтраком.

Специальное помещение для принятия пищи мы дружно не любили. Ходили туда только к холодильнику, а чайник и микроволновку потихоньку перетаскивали в комнату отдыха - до очередной взбучки.

- Успеем чайку? – вяло поинтересовалась Юлька.

- Не завтракала? – удивилась я - непохоже было на нее, - а ты не заболела?

- Не хватало, - запрокинула она голову на спинку кресла, - что случилось с Ерохиной, не знаешь?

- А что с ней не так?

Из машины я не выходила, Юлька сама сдавала беременных в перинатальный центр. А дежурила сейчас, по всей видимости, как раз Ерохина. Мы и сейчас в хороших отношениях и это она делала мне хирургическую дефлорацию. Иссекла гимен лазером совершенно без боли, а причина сделать это у меня была самая безобидная из пяти основных - стремление скрыть свою неопытность, если чудо все же случится... Все-таки больше четверти века позади и впереди тоже все туманно. Вон даже Демин шутил по этому поводу.

- Так что, Юль?

- Она будто неживая... как зомби и голос еле тянет, - ответила та с закрытыми глазами.

- Как у тебя сейчас?

- Вчера к маме ездила, устала.

- Ерохина со вчерашнего дня в приемном живет, с большой сумкой. Что-то в семье... а что там может? Загулял или запил, – зашевелилась на кушетке Татьяна.

Я согласно кивнула, рассматривая новенькие угги на ее ногах.

Мы - «скорпомощники», вообще-то народ суеверный. Как и врачи приемного отделения. Те, например, свет на ночь гасят... будто мы к ним и в темноте дорогу не найдем. А у нас так: если первый вызов закончился носилками, будешь госпитализировать народ до посинения. Или если заехал на подстанцию и выдалась минутка отдохнуть, не вздумай снимать обувь. Иначе тут же придется надевать обратно и вперед - к следующему пациенту.

- Поганный день, - сделала общий вывод Юлька, а я неопределенно пожала плечами. Еще не знала тогда – насколько.

- Шестая – на выход! - донеслось с легкой хрипотцой из селектора. Дальше диспетчер озвучила адрес и повод – подозрение на инсульт.

Дядя Паша уже шагал к выходу, на ходу забивая адрес в навигатор смартфона. Иногда нумерация домов устроена мягко говоря... странно, а если вызов в частный сектор, так там вообще... С бродилкой надежнее.

Застегнув форменную куртку, я двинулась следом. Оглянулась... Юльку, резко вставшую с кресла, слегка повело в сторону кушетки.

- Тц... - дернулась Татьяна, - ты чего, мать – поплохело?

- Так не выпалась. Сейчас на морозце похорошеет, - засеменила Юлька следом за мной.

Я фельдшер, она старшая бригады - врач, но физически слабенькая. Переноска тяжестей на мне - частенько приходилось бегать на пятый этаж без лифта и таскать на себе кардиограф и малую реанимационную аппаратуру. Мелкой Юльке и ящика за глаза.

Выходить на мороз не хотелось, который день давило за тридцать еще и с ветерком. По этой причине и прохожих мало, а транспорта многовато. Наш водитель почти сразу включил сирену – случай тот самый, а пробки вечный бич крупных городов. Да и мы с Юлькой внутренне взбодрились под шумок, настроившись на повышенную ответственность.

Проплывающий мимо город давно проснулся, ночную темень потихоньку вытесняла серость короткого зимнего дня. Фонари погасли, но не везде - на Адмиралтейской продолжали гореть. Периодически мы наблюдали такое то там, то здесь - забывают вырубить. И, похоже, никому ничего не бывает, потому что повторяется это частенько.

В подъезд повезло пройти сразу, за придерживавшей для нас дверь женщиной. А то однажды тоже зимой в три часа ночи мы с пожилой женщиной-врачом приехали на вызов «острая боль в боку». Домофон оказался нерабочим, а на улице нас никто не встречал. Пришлось стоять у подъезда на морозе и ждать пока диспетчер дозвонится, чтобы за нами спустилась. И замечание сделать не могли – по причине болей народ нервный.

Что же я злая такая сегодня – пришло в голову, но придумать причину так и не успела, дальше закрутилось...

Больной лет пятидесяти лежал на полу. Юлька опросила женщину в халате, наброшенном на ночнушку и когда мы провели необходимые манипуляции, кивнула мне:

- Поднимай переноску.

А жену инсультника попросила:

- Сходите к соседям, позовите мужчин покрепче – нужно спустить носилки с больным к машине.

И тут началось.

Нет... нервничают все и всегда, особенно если ситуация изначально понимается серьезной. Но как же много зависит от личности человека!

Как-то в шесть утра на подстанцию пришёл школьный учитель ОБЖ. Извинился, что потревожил и вежливо попросил померить давление, так как плохо себя чувствует. Оказалось, у него 220. Сам липкий, холодный. В общем, у человека случился инфаркт. А из-за своей скромности он постеснялся вызвать скорую поздно вечером и промучился до самого утра. Сделали ему ЭКГ, дали необходимые препараты и отвезли в больницу. А не явился бы вовремя... И где она – золотая середина?

Здесь был другой край.

- Как это *выне* можете донести до машины? С чего вдруг я должна бегать по соседям? И где их искать - на работе все! И почему мужчин не прислали?! — сорвалась в крик разъяренная баба.

Юлька морщилась и похоже судорожно соображала, как спустить вниз больного — крупного мужчину килограмм ста двадцати. А «золотое время», отведенное на спасение при инсульте, быстро уходило.

- К сожалению, на скорой нет санитаров, - попыталась я решить вопрос миром.

- А водитель ваш что - не мужик?! А ты... лошадь здоровая?! – билась в истерике баба. Все-таки пьяная... а иначе отчего такая экспрессия - обреченно поняла я. Или с остаточными с вечера. Судя по мужу, хорошо посидели.

Нет, где-то она была права - эвакуацию пациента в автомобиль при необходимости должен организовать медперсонал. И мы делаем это как можем: просим родственников, соседей, прохожих. Но – время же.

- Транспортировка больных не входит в обязанности водителя, - даже не поморщилась я на «лошадь», - он не имеет права покидать машину, она набита дорогостоящей аппаратурой. Значит... будем все вместе ждать МЧС, а это время - сами понимаете.

Прошипев что-то, баба метнулась к выходу, грубо отпихнув в сторону Юльку. Я поддержала ее и выдохнула с облегчением – дальше должно нормально... теперь только сбегать за носилками. И не успела – со стороны кухни послышалось бухтение и оттуда пьяно мотнуло такого же крупного, как больной, мужика. И был он практически в невменяемом состоянии.

Глава 2

Никто из нас не любит повод к вызову - «человеку плохо», реально же не знаешь, на что едешь. Там то ли паническая атака, то ли похмелье, то ли инфаркт или инсульт. И пока едешь. стараешься вообще не циклиться на причине... включается то ли пофигизм, то ли чувство самосохранения.

И мы сами выбрали такую работу – все верно. Довольно часто я слышала от людей такую фразу:

- Не спать всю ночь – ваша работа.

Но они просто не представляют, о чем говорят.

Прошлый раз, к примеру... тогда я заступила на смену в пять вечера. В восемь у нас пересменка водителей и предполагается, что за это время (минут пятнадцать-двадцать) бригада должна успеть поужинать.

На самом деле в восемь ноль пять мы получили вызов и срочно на него поехали и в следующий раз оказались на подстанции только в двенадцать ночи. И то... только сходили в туалет, как нас опять вызвали. Так промотались до пяти утра. Да, потом было часа полтора отдыха, но сон не шел – слишком много тяжелых обращений обслужили. А потом опять выехали...

И кто-то еще смеет говорить «ваша работа»? Почти каждый раз я прихожу домой уставшей, как собака. Принимаю снотворное, чтобы ни о чем не думать, не переваривать в себе произошедшее за смену и лежу так почти целые сутки. И дело не в состоянии психики или общего здоровья – у нас все забываются, как могут. Кто-то принимает успокоительное, кто-то выпивает в выходные, а курящие опустошают по две пачки за смену.

И стрессуем мы не только из-за тяжелых случаев. И не всегда дело в чувстве ответственности или сопереживания, хотя и оно нам не чуждо, как бы ни демонизировали медиков, приписывая каждому из нас профессиональную деформацию.

И без того бывали мощные встряски из тех, что запоминаются на всю жизнь. Был случай... я попала в смену с совсем молоденькой девушкой-врачом. На вызов приехали в какой-то барак, где в драке убили человека. Пока она осматривала тело, ко мне подошел мужчина, по виду – уголовник и спокойно посоветовал:

- Столько золота на себе носить опасно. Сама запомни и фифе-лепиле скажи - не были бы вы со скорой, я быстро бы все ваши цацки поснимал. Даже с тебя такой красивой – не сомневайся, чика.

Я вежливо поблагодарила за совет, нечаянно прикрывая рукой цепочку с крестиком – единственное свое золото.

Скорая вообще такой случай... отдельный. Поводом для вызова бывает и банальная простуда, и настолько же банальный алкогольный делирий – в просторечии белая горячка. И не дай Бог на месте простого социального алкоголика окажется «непростой», а этого добра хватает в разных слоях общества.

И скорая не выводит из запоя. Нам частенько приходилось объяснять, что «прокапать» может только наркологическая служба, но никак не скорая помощь. Но объясняли мы уже после того, как приезжали по ложному, получается, вызову. Хотя приходилось вытаскивать и алкоголиков в пьяном угаре, разные бывали ситуации.

В этом самом угаре был и мужик с кухни. Ругань и невнятное бормотание, как ни странно, перемежались внятно озвученными вопросами и претензиями. Набившие уже оскомину замечания и даже оскорбления в свой адрес я почти привычно проигнорировала бы, но...

Дернуло меня не это, а тонкая и бледная, с косточками на запястьях (как у подростка) Юлькина рука, судорожно поглаживающая мое предплечье. Слишком уж жест получился... потерянным и беззащитным? Стараясь не показать свой страх, она и меня успокаивала, и даже

что-то отвечала мужику ровным голосом, уговаривая его. А я понимала уже и даже знала – этим не закончится, потому что было со мной что-то похожее. Закон парных случаев?

Вызов тогда был тот самый – из разряда «плохо», а в подъезд не попасть – частое, кстати, явление. Не ночь на дворе, но тоже холодно... у меня на руках тяжелая аппаратура. Перезвонили. Через пятнадцать минут из двери вывалилось пьяное тело и начало крыть нас матами:

- Какого... вы так долго и почему сами не открыли?

Хотя ключа у нас, понятное дело, быть не могло, да и приехали мы быстро. Зашли в квартиру, где сидел пьяный сожитель, и баба сразу стала орать, как у нее болит ухо и как она нас ненавидит. Больше того – не прекращая воплей, накинулась на врача, которая, кстати, была вдвое меньше и настолько же старше нее. Начала трясти ее со словами:

- Почему у вас костюм синего цвета? Врачи в белых халатах ходят! – похоже единственное не размытое водкой безусловное знание в ее голове на тот момент.

Не без моей помощи врачу удалось вырваться. Но концерт на этом не окончился – когда в конце мы попросили заполнить документы на вызов, она начала в нас ими швыряться... и тут решил подключиться сожитель. Тогда первый раз я применила силу. У женщины остались синяки на предплечье, мужику сильно пережала горло и вывернула руку, удерживая.

Понятно, что потом была жалоба и разбирательство и под эту музыку всю подстанцию держали в тоне несколько дней. На меня за ту выходку свои уже злились. Потом прошло понятно, подзабылось...

Но главному я тогда клятвенно пообещала рук больше не распускать, а если "снова вдруг", то хотя бы не превышать пределы самообороны. Но этот Юлькин страх или еще что... невнятное представление об этих самых пределах, недосып, холод этот надоевший, полярная ночь бесконечная?.. Неизвестно, но повторилось все почти один в один.

Когда, брызгая слюной, мужик кинулся на нас, я все-таки превысила... молча и вполне осознанно. Ударившись спиной о стену, он сполз по ней и притих, глядя на меня будто даже обиженно.

- Быстро за носилками! – после нескольких секунд молчания приказала Юлька и я отмерла. Выскочила из квартиры и помчалась вниз. Возвращалась тоже бегом – боялась, что пьяный очухается раньше, чем я вернусь. Но Юлька уже командовала соседями:

- Берем аккуратно и кладем на носилки... осторожнее, не трясите, - и, встав на цыпочки, шепнула мне: - Отрубился, может и не вспомнит ничего. Та-ак... теперь давайте вниз. Варь, проследи на лестнице.

Мужик и правда уже сонно сопел, привалившись к стенке. Юля еще немного задержалась в квартире, заполняя документы на вызов...

Когда машина тронулась, я взглянула на часы – с момента, когда мы из нее вышли, прошло всего двадцать минут. Внутри по ощущениям - холодное желе... раскрыв ладони, я подняла их к глазам – пальцы тоже подрагивали.

Сдав insultника, сразу же мотнулись на уличную травму. Потом температура под сорок у подростка, дальше «плохо и не просто, а очень...» - вызвала соседка, оказалось высокое давление у бабульки. В общем... всё почти, как обычно.

Но именно в тот день я и приняла окончательное решение. А еще позвонила Ерохиной и дала ей свой адрес, если надумает... запасные ключи хранились у соседки.

Главному об инциденте мы не доложили. Хотелось просто оставить это за спиной, забыть. И была надежда, что мужик и правда проспится и ничего не вспомнит. Да и что там могло? Максимум гематома на спине. Но Юльку, как старшую бригады, я получается подставила, потому что, промолчав, она меня прикрыла, такую вольтантую.

Настоящих неприятностей я не ждала. В крайнем случае могли сослать в пункт скорой помощи на Соломбалу. Там всего одна бригада и немислимое количество вызовов - старый район и много пенсионеров. Но этого я не боялась - тяжело физически, зато психологический

климат зачетный. Бабулечек хоть к ране прикладывай, деда вежливы до оскомины - старожилы, местные... чаем норовят напоить, гостинцы в руки пихают.

Нет, ни перевода, пускай даже в лесную глушь, ни тем более увольнения я не боялась. Неприятно, что случился рецидив, хотя когда-то клятвенно обещала, что это был распоследний раз. Но это тогда. И снова я сорвалась, а случись опять... скорее всего, будет так же или даже хуже. Страха в этот момент нет, одна злость, самоконтроль тает под гнетом понятия о справедливости. Но есть же и на такой случай методики?.. Должны быть. Значит, будем искать ссылки и работать над собой.

После работы мы побрели к Юльке. Она и раньше приглашала к себе, когда совпадали смены и уставали мы особенно сильно. У нее можно было отоспаться, а дома часто дергали соседи - уколоть, посмотреть... Еще раньше я и постельное свое к ней притащила, и даже что-то из посуды.

В такие дни она уступала мне свою кровать, потому что диван был мне короток, а сама устраивалась на нем. Мне нравилось там – чисто, спокойно, тепло. Как-то особенно тепло... я снимала жилье в старом деревянном доме и не сказать, чтобы мерзла, но Юлькину панельку топили как-то иначе, что ли. Или весь этот район.

Но главное, что не нужно было добираться через полгорода до дома сонной. Летом это еще не так... но зимой уставшая я мерзла особенно сильно, автобусы же отапливаются так себе. А до Юльки было близко и можно сразу помыться, упасть и уснуть. И все это молча в основном... мы обе с устатку говорливостью не отличались, скорее наоборот.

До этого дня я не сказала бы, что мы дружим. Это были просто очень хорошие или даже приятельские отношения.

В тот день она быстро пожарила яичницу, порезала свежий огурец и хлеб, разлила по стопочкам «Поморский бальзам» и выпила первая, не дожидаясь тоста.

- Закусывай сразу, а то крепковато.

Я усмехнулась, заметив: - Если на массу твою и мою...

Юлька медленно подняла на меня взгляд.

- Почему ты терпишь... от недомерков и недоростков по большому счету? Это не они, ты – жемчужина генофонда. Это за тобой должны стадами ходить, чтобы заполучить в свой род такое племя... гены, цены которым нет. Ты же будто из тех времен... - поперхнулась она эмоциями.

- Ископаемых, - согласилась я и тоже опрокинула в себя рюмку: - Только сейчас другие и времена, и стандарты.

- Богатырских времен, балда ты былинная, - вздохнула она с сожалением.

- Может балда... Я знаешь, что сегодня решила? - вырвалось вдруг.

- Ну? – подперла она ладонью щеку, готовясь слушать. Лицо уже смешно покраснелось от спиртного, на нем ярко выделялись светлые брови.

- Для себя рожу. Дорого, конечно... в смысле – донор. Но не дороже денег? – взялась я за еду.

- Донорский материал? – замерла Юлька и почти сразу тихо выдохнула: - Слушай, Варь... а давай вместе - в декрет?

- Серьезно? – чуть не подавилась я хлебной коркой, - ладно... давай завтра поговорим. Выспишься и снова замечтаешь о романтическом и солнечном Бали, - вспомнился какой-то наш разговор.

- Зря не веришь. И не сошла я с ума, – улыбалась она, - наоборот - чет я... Только, - пробежала тень по ее лицу, - вместе, наверное, у нас не получится. Кто-то должен страховать, а то знаешь?..

- Знаю, - поняла я, все еще не совсем веря и глядя соответственно: - И что ты предлагаешь – спички тянуть?

- Светлая твоя голова! – подхватила она и завозилась, протягивая мне потом ладонь с двумя зажатыми в ней одинаковыми спичечными головками: - Длинная – декрет. Короткая – пахота минимум год еще. Только давай прямо сейчас пообещаем... неважно кто родит первой, но друг другу мы - крепкий тыл. Может потому и не приходило мне в голову... но теперь-то? Так ты согласна?

- Да! – потянулась я к спичкам, - тяну?

Глава 3

Рекомендованный режим работы на скорой – сутки через трое. Но переработку берут почти все и в смену выходят через двое суток. У нас было это время, чтобы прийти к единому мнению и составить план. Но главное, поговорить по душам, узнавая друг друга лучше.

А еще мы отсыпались, готовили вместе еду, запустили общую стирку, а когда самое срочное было уже сделано, забирались на диван с ногами и удобно устраивались там с подушками. И опять говорили - обо всем. И о мужчинах тоже.

- Я даже восхищаюсь как мужики устроены, Варя, - призналась она, - у них все четко и понятно. А если непонятно, то и неперспективно. Это так здорово – не копать в себе, не замечать оттенков, переть буром куда переть более логично... Они созданы проще и правильнее, наверное, и всегда действуют по плану. Нам тоже нужен реальный, здоровый план - мужской. Безо всяких эмоций, глупых надежд и мечтаний. Исходя строго из реалий.

И она была права, опасаясь сюрпризов разного рода.

Когда-то на всю страну с гордостью объявили, что медикам повысили зарплату. Но повысили оклад, а некоторые надбавки при этом убрали. В итоге получилось столько же, а бывало, что и меньше. Так что мало ли... вдруг опять кому-то взбредет в голову осчастливить нас подобным образом.

А еще всерьез рассчитывать на кого-то, кроме себя, мы с ней не могли – у обеих только мамы.

Нет, я ни на что не жалуюсь сейчас и тогда тоже не жалела ни ее, ни себя. У обеих были востребованные профессии и жилье, куда можно вернуться если прижмет. И мы всерьез обсуждали возможность родить для себя, потому что она действительно имелаась. Финансовая в том числе - хоть и скромная, но достаточная.

А с ребенком Юльке не просто так приспичило. Это у меня еще терпело, у нее поджимало.

По ней и не сказать было, что пошел четвертый десяток – хрупкая конституция, блондинистая масть. Она выглядела так... утонченно-болезненно что ли? И почти на десятку младше своего возраста, хотя была старше меня на шесть лет.

Поэтому и короткую спичку в своей руке я восприняла нормально – в кои-то веки она проявилась, эта высшая справедливость.

Оговаривать условия взаимопомощи в нашем случае не было нужды, с самого первого дня я воспринимала нового врача нашей скорой, как объект опеки. При ее росте в метр шестьдесят я была выше на тридцать два см. и разница в весе тоже - ее классический бараний и мои девьяносто. При этом упитанной я не была - крупной тяжелой костью и ростом пошла в отцовскую породу. Выдающиеся особенности оттуда же.

Слова подруги о ценных генах... они и правда высоко ценились в те времена, когда простой бабе приходилось физически впахивать, как проклятой. Тогда сила и выносливость действительно дорогого стоили. Хотя и сейчас высокий рост не был чем-то нежелательным, а тем более позорным. И может быть я килограмм на двадцать или даже тридцать легче, выворачивала бы тазобедренные суставы, вихляя по подиуму или числилась в какой-нибудь сборной... по волейболу, к примеру.

Но в том-то и дело – все «лишние» килограммы были сосредоточены в стратегически важных местах. Уменьшить их я пыталась и не раз, но это оказалось противно моей природе – я мужественно худела и сразу же резко падал иммунитет, а дальше я цепляла на себя все болячки, что имелись в городе.

- Деточка, вам категорически противопоказана худоба, она неестественна и даже враждебна для вас. Вернитесь в идеальное для вас и мужского глаза, смею заметить, состояние и

ваши неприятности прекратятся сами собой, - картавил на консультации ведущий иммунолог региона, - всё бы решалось так просто, как у вас.

Я не была толстой, я была большой. И по этой причине «довлела», как выдал однажды, болезненно морщась, Демин:

- Отойди на пару метров, Варвара - неприятно довлеешь.

Я разочарованно задержала дыхание тогда, соображая – вломить ему, потому что и этот туда же... или едко поблагодарить за признание моего превосходства? Пока думала, время ушло. Я промолчала.

- Неровно дышит к тебе док, - заметила потом Юлька.

- Бред. Да он сквозь землю провалится, появившись где-нибудь со мной.

- Если Олежек чего и стыдится... он злится, что не соответствует, - возразила она.

- До чего еще договоримся? – не было мне интересно, - что бы там ни было... я же терплю его профессиональный снобизм? Вот пускай и помалкивает, а то субординации во мне хватит ненадолго.

Впереди было два выходных, за окном валил снег хлопьями.... Звонка от заведующего не поступало, что означало, что и жалоба не поступила. Все условия! И у нас - свой штаб на диване, у нас военный совет. Нужен был настоящий мужской план и не только. Я не отговаривала ее рожать, я пыталась понять Юльку.

Тридцать два... я и раньше не сомневалась, что отношения у нее были, а может и не одни, и прекратились они не по ее вине. Юлька была хорошим человеком и внешне тоже... хоть и неяркой, но достаточно приятной. Я спросила – она ответила... раз уж мы вышли на новый уровень.

Вначале говорила она о себе неохотно, но потом все спокойнее и глядя на меня все внимательнее. В ее жизни было двое мужчин и... не сложилось.

- Вы мирно расстались?

- А обязательно скандалить? Поговорили... он был убедителен и я согласилась, - говорила она, скорее всего, о последних отношениях, - смотри: мы выбираем себе пару, чтобы прожить вместе жизнь, а где выбор, там и ошибки. И хорошо, что это выяснилось раньше, а не позже. Это как вовремя обнаружить болезнь, пока она еще излечима. Я даже благодарна...

- Серьезно? – вырвалось у меня, - и больно совсем не было?

- Улучшение через ухудшение – помнишь такой вариант лечения? И потом, я женщина и привязчива, но человек вроде неглупый – поняла, что все к лучшему: он исправил нашу общую ошибку, освободился для новых отношений и меня освободил. Не тащить же его в брак за ноздри?

- У него отношения... понятно. А ты за это благодарна, - тихо фигела я.

- Варя, ему пришлось делать серьезный выбор - сравнил может всю эту физику, химию и остальное подсознательное... вышло не в мою пользу. Где он тут виноват, если уверен, что так правильнее? - вздохнула Юлька, - увлекся, сорвался, сразу признался... не виноват. Человек должен быть свободен и в чувствах тоже. Думаешь - не права я, совсем?

Я убила бы.

- Не знаю! Но - не виноват в измене?

- Для меня – нет. Дело в самоорганизации и скорости осознания – у меня с этим без проблем: важно понять, что...неважно, чем вскрыт нарыв, главное вовремя.

А я считала, что это у меня спокойный нордический характер. А если по шкале, то что там у нас дальше - святость?

- А если бы он не признался?

- Если бы да кабы... случаи разные, люди разные. Я что тебе – эксперт? - развела она руками, - нашла тоже...

- Ну давай представим... а если бы вернулся?

Юлька смотрела на меня с подозрением, и я понимала, что копаюсь в больном. Но мы оказались настолько разными - немыслимо... мне нужно было понять ее.

- Варь, а дальше уже твой выбор, - поняла она немного неправильно, - но хочешь мое мнение? Они устроены рациональнее, помнишь? Там все просто и у него уже какие-то свои, другие... может даже разумные соображения, чтобы вернуться. Но любви-то нет.

- Иначе не ушел бы? - медленно догоняла я.

- Не сделал бы больно... этим или чем-то еще - просто не смог бы. А если смог, то это уже не о любви. Но вот вернулся он... и как ни в чем ни бывало живет рядом. А цену измены всегда платит женщина, потому что чувствует глубже. И не каждая сможет организовать и разом перестать копать в прошлом дерьме, потому и... внутреннего ресурса не хватит вывезти! А дальше подключится психосоматика и привет, болячки. Так что лучше одной. И я согласна со своей бабушкой, умная была... - обнимала она колени, положив на них подбородок.

В тот вечер я узнала не только о ее прошлых отношениях. Юлька, как и я, не была бездомной – в Новодвинске в неплохой двушке жила ее мама - квартира была ипотечной и платить за нее нужно было еще пару лет. Суммы платежа были небольшими, залогом пошла старая хата. А уехать оттуда пришлось, чтобы не пересекаться с тем самым человеком. Тяжело его видеть? Похоже, достаточно тяжело и ей легче было в новом месте и с чистого листа.

Я слушала и не переставала поражаться тому, насколько по-разному люди видят жизнь.

Она, как и ее бабушка, считала, что любовь была задумана только для счастья. И она только такой и бывает – взаимной и счастливой, в этом весь ее смысл, а иначе это что-то другое - больное, нерадостное и мешающее жить. Нездоровая зависимость, наваждение, ошибка сознания?

- Так может стоит подождать ее? – шептала я в темноте комнаты, - куда нам спешить? Рожают и в сорок, и позже.

- Смотри сама, у меня своя причина... слышала о сниженном овариальном резерве яичников? Шанс уменьшается с каждой овуляцией. Пока еще не критично, но... И потом, настоящей любви мой ребенок никак не помешает. Варя... - замялась она, - извини, но ты... сама, как ребенок. Рассуждаешь и в целом... у тебя никого еще не было?

- Ну... - пожала я плечами, - имела место хирургическая дефлорация.

- Просто пипец, - потерянно выдохнула она, - я не о том немного, но... слов нет.

Я неловко пожала плечами - не стоило обсуждения, все метания по этому поводу в прошлом.

- Идиотка, - спокойно подытожила она, - какое-то у тебя... слишком жестокое принятие себя, но это не ко мне - к психологам. Ну комплексы, это ладно - кто не грешен? Ты что - и не влюблялась никогда?

- Почему? – усмехнулась я, - влюблялась – в интернатовского завхоза и дворника Егора Митрича. Здоровенный мужичара, я тебе скажу... бородача лопатой, глазки маленькие хитрые... исподлобья так – на медведя похож. Только он и смотрел на меня сверху вниз.

- Ерунда! - сердито отмахнулась Юлька, - высокие мужчины есть, их достаточно.

- Дело не в том... - не хотелось мне говорить о себе... а раз не хотелось, то и разговор я грамотно замяла.

Не хотелось вспоминать о травле в интернате... не сиротском, а региональном. Летний берег Белого моря раньше был как-то заселен и самые крупные села все еще доживают свой век. В них до сих пор рождаются дети, а они должны учиться, вот и учатся в интернатах. Тогда их было два.

Я и родилась крупным ребенком, нещадно порвав и едва не убив мать, после чего родить она больше не могла. И в школе была гораздо выше ровесников и не только. Наверное, им было обидно и мне мстили. Драться с девочкой мальчишки боялись - попадет, вот и били словом.

Свои детские обиды я и выплакала еще в детстве. Они уже далеко в прошлом, со временем я смогла понять ту мальчишескую зависть и простить ее. Детская психика очень подвижная вещь и детские травмы лечатся легче всего - психологами ли, временем. Так что потом «кобыла», «корова», «оглобля» и прочее меня не то, чтобы совсем не трогало... просто предел есть всему и обидам тоже. А дальше сознание отсекает эту ерунду - и все. Не совсем белый шум, но и стоящими моих эмоций такие вещи я давно уже не считала.

Позже, когда выросла в девушку, гораздо больше задевали взгляды – с любопытством, подчеркнутым интересом, удивлением, усмешкой, издевкой, с пошлым присвистом... А я так хотела нравиться! И нечаянно продолжала искать *тот самый* взгляд, но не находила - на меня всегда смотрели особым образом. И к этому я тоже привыкла. К счастью, человек так устроен, что привыкает практически ко всему. Не смиряется, а именно что привыкает и перестает остро реагировать.

А мы - медики, все-таки немного циники, а немного философы и тело человеческое воспринимаем как-то очевиднее, чем душу. И всегда помним, что смерть гораздо ближе, чем это кажется. Так и в моем случае – я знала, что здорова, остальное не критично.

Юлька была права – я не лелеяла комплексы, а разумно простила с глупыми надеждами.

Пессимистам всегда легче, они не разочаруются в итоге. Но и совсем пессимисткой я не стала – не дали сны.

Я смотрела их давно уже и будто какое-то кино...

Глава 4

Были у меня на этот счет мысли...

Не факт, конечно, но странные мои сны могли быть завязаны на тему крови. На нее много чего завязано и в медицине тоже, но есть... вернее было же раньше такое понятие, как клятва на крови или там... кровное братство? А еще будто бы существовали родовые проклятия, насланные на носителей одной крови и они работали. Что там еще?

Одни догадки, легенды, сказки... но есть интернет. Сейчас время открытой, мгновенно доступной информации, так почему нет? Вот и я там покопалась, упорядочив для себя сюжеты снов и будто бы логично связав их с родовой памятью.

Генетический код несет в себе не только наша кровь, но так совпало, что странные сны начались когда я впервые «уронила кровь», как говорят на моей малой родине. Отсюда и мысли о кровном родстве с той девочкой, а потом и девушкой из снов. И я почти уверена, что поняла все правильно, потому что мы с ней внешне похожи, но главное – «кино» снимали в том же месте, где сейчас стоит наша Мареньга, но только давно, очень давно тому назад - века.

И все равно я узнавала родные места... В том же самом месте, например, находился зажатый между двумя высотами мелкий песчаный залив – устье ручья, куда в прилив заходит мелкая камбала, перепугано зарываясь при отливе в песок и меняя свой цвет прямо на глазах. Детьми мы таскали ее для жарки – одна такая рыбешка как раз помещается на сковороду. Мелкая камбала, только вынутая из воды - самая вкусная рыба на свете.

А выше по течению ручья живут пресноводные форели. Извилистый, как темная змея, он мчится в крутых берегах – прозрачно-черный, густо настоянный на болотных мхах и травах. А бурливый он из-за большого перепада высот, берега Белого моря везде высоки и обрывисты... если это не заболоченная местность, конечно.

Но и запертые валунами широкие затоны на Шидровом ручье тоже встречаются. Именно там мы рыли песок на дне босыми пальцами ног и искали в нем речных перловиц. Находили их. Когда и с начинкой – продолговатыми бугорчатыми жемчужинками. Но мне больше нравились сами раковины, перламутр в них намного ярче. Из них хотелось что-то сотворить... может панно, а может бусы, как у индейцев в фильмах.

Такие сны, в которых всплывали родные места и люди, снились мне и раньше. Я скучала в интернате, особенно первый год, а когда о чем-то много думаешь, оно обязательно приснится хотя бы мельком. Ну, а в той не совсем благополучной обстановке отдушиной как раз и было - думать о маме и папке, любимых местах игр, скучать по корове и котенку рыси, который жил у нас ту осень и зиму, когда я первый раз уехала в школу.

О чем скучала, то и снилось, но это в обычных, нормальных снах.

Странные же сны...

Они были настолько яркими, броскими... так выводили на эмоции! Потом я переживала их целый день. Даже порывалась рассказать, поделиться ими с Танюшкой – мы были из одного села. Но она оказалась слабовата – дружить с «отверженной» означало ввязаться в маленькую, но жестокую детскую войну. У нее не было причин воевать - мы не дружили так, чтобы сильно... наверное. Просто часто играли вместе дома.

Да... так я о генной памяти – считается, что она хранится на уровне морфогенетического поля и содержит сведения абсолютно обо всех предках родовой системы. Но никто из нас даже свою жизнь не помнит поминутно, так что логично то, что в таком «родовом архиве» остаются только самые сильные эмоциональные переживания.

И как бы нам ни хотелось, чтобы только лучшие из них передавались по наследству, но самое сильное потрясение мы получаем как раз от негативных событий. И эта «плохая» информация передается по наследству генетически... на кой - неизвестно. Чтобы использовали

опыт предков так же, как опыт собственной жизни и не повторяли чужих ошибок? Это вряд ли... даже на свои личные грабли бывает наступаешь не один раз.

Но вот как раз в связи с этим...

Был у нас случай – инсульт у женщины семидесяти двух лет. Ему все возрасты покорны, как говорится, но возраст семьдесят для женщин далеко не глубокая старость. И выглядела она неплохо – без большого лишнего веса, ухоженной, кожа еще неплохая... Шея и руки – понятно, они те еще предатели, но... в общем, жить бы да жить и даже видом своим мужчину какого радовать. А тут по опросу родственников все признаки: нарушение речи, зрения, онемение левой стороны тела. Но не это мне запомнилось – такого добра на вызовах полно... погано, конечно, но факт.

Так вот... резкое ухудшение состояния, а потом и отсутствие сознания наблюдались еще до нашего приезда. Все, кто был в квартире, высыпали за нами на улицу и там тоже – слезы, причитания... Молодой мужчина – сын поехал с нами и тоже давился слезами, глядя на мать. И я не выдержала:

- Да что же вы ее хороните? Время не потеряно, меры мы приняли и первый инсульт опять же не обязательно приговор. Постараемся вытащить, прекращайте панику.

- Не... нет, это - все. Семьдесят два – потолок у нас в роду. Еще никто из женщин не перешагнул, так что... - в отчаянии закрыл он лицо руками.

- Вы о психосоматике слышали? Не стоит обсуждать такие вещи в семье, чтобы их помнили... это программировать себя на уход в конкретном возрасте. А вы все в это верите... нужно было грамотно отвлечь человека, а не стимулировать своей верой в рок ее внутреннюю установку. У вас же будто семейный психоз, массовая истерика, - смыло злостью весь мой здравый смысл. И жаль его было, и бесил до невозможности. Умный и приятный вроде мужик, по виду – думающий.

- Ее не нужно отвлекать... - судорожно вздохнул мужчина, - нет оптимиста большего, чем мама, ни у кого нет такой силы воли, такого желания жить и интереса к жизни!

- Ну вот и верьте в нее. То, что она какое-то время оставалась в сознании, получив инсульт – уже хороший признак, - поправила я капельницу.

Хороший, но не безусловный. Я специально интересовалась потом - лечение не справилось. Тогда я много думала... даже о том, что хорошо – сын видел, что сделали мы все возможное, а то тоже бывает...

Ну и запомнилось все это... что есть род, в котором женщины исправно умирают в семьдесят два, будто выполняя некий приказ свыше. Кого, чего? Получается - рождается человек и носит в себе всю жизнь такую вот мину замедленного действия в виде жесткой обязательной зарубки на карме. Кто-то смиренно ждет, кто-то не верит или даже сопротивляется, а результат один... в той семье во всяком случае.

Получается, что негативная информация, как исключительно важная, ложится на гены и влияет на жизненную программу независимо от наших желаний и планов. Лично я знаю только один такой случай - тот, но встряхнуло тогда и меня сильно, долго морочилась.

Но есть в жизни каждого и другие события – классные, радостные, просто супер-позитивные! Такая информация тоже может найти выход в последующих поколениях – в похожей ситуации, под влиянием момента и эмоций. Может как раз тогда мы и чувствуем то самое дежавю?

Считается, что в бессознательном состоянии или под гипнозом можно четко вспомнить и рассказать потом о событиях, которые остались в родовом сознании. Это доказано, потому что способ с гипнозом практиковали и... доказано короче. И тут вопрос - может какая-то стадия сна считаться бессознательным состоянием?

Я рыла в этом направлении, но не слишком глубоко.

Доказательства ищут если чему-то не верят, а я сама живой пример существования родовой памяти. Можно было, конечно, подробнее покопаться в трудах ансестологов (есть такое направление науки - ансестология, изучающее человека сквозь призму родовой памяти) или даже отыскать их самих и порасспросить. Но делиться своей информацией не хотелось. Эти сны были не просто интересными, являлись не только источником опыта, пускай и чужого - для меня они были лекарством. Причем бывали они и хорошими, и тяжелыми, когда я просыпалась в слезах и целыми днями ходила, будто пыльным мешком прибитая.

Но вначале в них было только приятное - снилось детство девочки Марфуши, а потом юность девицы Марфы. Что именно лечило мне душу и заставляло ждать этих снов?.. Ею там *любовались*, причем очень даже искренне, а не притворяясь в угоду ее отцу.

Хотя-а... некое подобострастие в отношении к нему все-таки было, его не могло не быть - здоровенный мужик был местным воротилой. Можно сказать – судовладельцем и работодателем для жителей ближайших деревень.

Рыболовные суда малой и большой тоннажности изготавливались в те времена тут же – на поморском севере. Уже тогда, а по моим прикидкам это был XVI век... на протоках устья Двины существовали малые верфи, где можно было заказать постройку баркаса – большой рыболовной посудины. Небольшие дощаники – карбасики, собирали на местах. Даже я помню постройку такой посудинки в наше время. Мужики сбивали, конопатили и хитро смолили ее, добывая смолу из корневищ елок и сосен, вываривая их особым образом.

Ну, это так – лишние подробности, а я о том, что Марфой *любовались*, искренне считая ее красивой. Потому и чувствовала она себя и несла, как королева, разве что без спеси и гонора. За годы "просмотра" я привыкла видеть все вокруг ее глазами, чувствовать ее чувствами, так что... Просыпаясь после такого сна, я улыбалась, разглядывая в зеркале веснушки на носу. Настроение поднималось, само собой, как и самооценка.

Так о чем я?..

Примем все-таки, что какую-то стадию сна можно считать бессознательным состоянием, при котором в памяти всплывают события родовых воспоминаний. У меня правда не створилось с понятием «событие». Это всегда эпизод, ограниченный во времени, а я хоть и нечасто, но сон за сном проживала целую чужую жизнь. Но и правда - отдельными яркими кусочками, хотя и разнесенными во времени на месяцы и даже годы. В основном приятными кусочками, а когда и просто чудесными. И еще - события шли последовательно, в правильном хронологическом порядке.

В своих снах я росла вместе с Марфой, узнавала то время, выросла, но участвовать в ее жизни, управляя сном, не могла да и не хотела. Просто некогда было – я наблюдала, сопереживала и сочувствовала. А со временем стала вместе с ней и *чувствовать*. Так же и должно быть, раз память во мне - ее? Или нет...

А еще я нечаянно сравнивала отношение окружающих к себе и к ней – такой же высокой, крепкой, с крупными ладонями и стопами, такими же серо-голубыми глазами, а еще редкими крупными веснушками, широкими густыми бровями и пышной длинной косой рыжевато-русого цвета...

Косу свою я с детства берегла и любила. Думала, что она-то уж точно меня украшает, но потом поняла, что только привлекает лишнее внимание, что комфорта не добавляло. Да и уход за длинными волосами большая морока. Пару лет назад я их обрезала и даже слезинки не уронила – надоело все...

Глава 5

Ни подруге, ни кому другому о своих то ли снах, то ли бессознательном бреде я так и не рассказала.

Медики материалисты, даже если они люди верующие. Как уживается одно с другим, неизвестно. Но своим рассказом я склоняла бы ее уверовать в вещи странные даже для меня самой. Доказывать и убеждать, когда на руках ни малейших доказательств? Научное объяснение о родовой памяти тоже так себе довод – ансестология наука новая и только-только нарабатывающая убедительную базу.

Мне было бы неловко рассказывать, а Юльке слушать и это факт. И потом, я не исключала вариант, что это защитная реакция психики, когда мозг генерирует сюжеты в ее поддержку. Чтобы не стала я злобной старой девой? Типичной такой, вымещающей настроение на людях вокруг. Спорно, потому что помогало не очень – я кажись и уже... Но совсем исключать того, что сны могут быть происками травмированной с детства психики, все-таки не стоило.

А жалоба на нашу бригаду все же поступила. Заведующий грамотно разрулил ее, не допустив очередного разбирательства, но у нас с ним был неприятный разговор.

В результате меня поставили старшей в фельдшерскую бригаду. Степень ответственности и его доверия я оценила, а вот чем еще руководствовалось начальство, исключив мои дежурства с Юлькой? Там так иносказательно все было и в то же время прозрачно... Слушая его, я краснела сразу и от злости, и от стыда – похоже боком выходили мои актерские способности. Немыслимо! Я ведь защищала и себя тоже.

Наша последняя общая смена получилась особенной. Обычно рабочие моменты забываются быстро, запоминаются случаи, чувствительно бьющие по психике. Там было другое, но вызов этот мы надолго запомнили и отметили даже не смехом, а неприличным гоготом.

Повод для вызова: женщина... в глаз воткнулся твердый предмет. Мы неслись со включенной сиреной, представляя себе бедную женщину с большим предметом, застрявшим в глазнице, высокой кровопотерей... возможно даже повреждением мозга.

- Ой, не! Не верю... Так бывает? Всегда думала – стеб, ирония. Ох ё-о-о... - корчилась от смеха Юлька, устав держать лицо при пациентке.

- Да расскажите вы уже! - буквально взмолился водитель, но мы не могли, просто не могли...

Это был частный дом, девушка сидела на ступеньках. Мы спросили, где находится пациент.

- Это я-а-а... в глаз попало-о. Не вытащить само-ой!

Ресница. Под веко ей попала ресница.

Мы предложили умыться и потереть глаз, но...

- Уже делала-а! Везите к глазнику, я засужу вас, если ослепну-у! - и губки уточкой, и все ужимки... Зачем, перед кем? На автомате уже?

Что мы могли рассказать ему и как? Это нужно видеть!

Даже уезжать не хотелось – честно, мы минут десять ее слушали. Уговаривали, угорали и держали лицо. А ресница сама вышла в процессе концерта - со слезами. Полиэтилен, каучук... из чего их там делают?

Вернулись на подстанцию, а там как раз редкое затишье – кроме нашей, еще три машины на стоянке. Хотели поделиться с народом, поднять настроение... а там молчат все - первая вернулась. Мальчик, полтора года, выпал с балкона пятого этажа на бетон, голенький, зимой. Как так?!..

Демин смотрел так, будто ненавидел весь женский род. Зинченко и Дроп дымили на крыльце, как паровозы.

- Скоро должна навага подойти, так на рыбалку хочется, - решительно выдала я.

- Ты что - специально? – прищурился Олежка, - знаешь же - не понимаю я и никогда не пойму! Ни зачем двадцать два бугая за мячом гоняются, ни - за каким хреном жопу на льду морозить.

- Вам, Олег Валерьевич, понравилось бы на швабру ловить. Есть такой способ и сильно уловистый.

- Киздишь поди, Варвара? – проходя мимо, встрял насквозь прокопченный и промороженный Зинченко.

- С чего? Флотская швабра... такая - с закрепленными полосками ветоши?

- Ну-ну... - проворчал Демин.

- У нас на море так не ловят - мостки нужны, а вот в Унской губе практикуют – видела сама в Луде. Стоит на мостках баба, на кисти закреплен тонкий шнур, привязанный в ручке швабры... Делает она замах такой – сбоку и швыряет швабру подальше в воду, потом тянет ее на себя. Вытаскивает, а на тряпках висит с десятков наважин. Она, не глядя – за спину их, а там уже куча рыбы. И - по новой... Раньше навагой даже коров зимой кормили.

- Фантастика... - протянула Татьяна, забыв сморкаться: - Так молоко ж рыбой вонять будет!

- И что им с того? Трескоеды же, - хмыкнул Демин.

- Поклеп, - авторитетно возразила я, - треска не самая вкусная рыба - сухая. Поморы кормились семгой, селедкой, камбалкой... я еще корюшку люблю.

- Или - морской огурец, - вставил дядя Паша.

- Да, живой корюх свежим огурчиком пахнет, - согласилась я, - но в основном, конечно, ели навагу.

- А семга?

- Хороша «по богатому», - кивнула я.

- И как же это? – заинтересовалась Дроп - Женя Дроп, старшая второй реанимационной, очень живая и подвижная, как ртутный шарик, женщина.

- Когда топором на куски рублена. Уже соленой.

- Браконьеры чертовы... - ворчал Демин, - угостишь может когда, а, Варвара?

- Обязательно, - пообещала я, решая, что ладно... смысл на него злиться, если там нервы? У всех нас на фиг нервы! Не железные. Буду уходить в декрет, накрою им стол по-поморски: с семгой «по богатому», рыбными шанежками, зубаткой домашнего копчения, печеной картошкой...

А дальше Олежка врубил «Ленинград» - про обезьянку и оспу. На фразе «ходят бабы с недо...бом» пристально смотрел мне в глаза.

Ну что?... Демин есть Демин, горбатого могила исправит. Зато немного отлегло у всех, отпустило.

Чахлую Юльку ставили потом в смену с мужчинами, студентами меда, мне давали кого придется, но заведующий лично вручил перцовый баллончик, как средство, разрешенное при самообороне.

Шутки шутками, но свой план мы потихоньку воплощали в жизнь – у Людмилы Ерохиной, которая находилась в процессе развода и нашла уже себе съемное жилье, имелись хорошие связи в Центре ЭКО. Обследовав Юльку, она решила, что с ее проблемой лучше действовать наверняка. Она же решила вопрос с квотой - платная процедура больно била по карману, а еще нужно будет оплатить донорский материал и хранение яйцеклеток, которые не пойдут в работу - на всякий пожарный. Вдруг с первого раза не выйдет, а после криокамеры шансы будто даже повышаются.

Будущего папу мы выбирали вместе.

- Блондин и с вышкой обязательно - это все, - разом прекратила она почти часовое наше мучение.

- Это все?! – потрясенно повторила я.

- И правильно, - согласилась с Юлькой репродуктолог, - остальные бонусы идут пакетом. А что еще, вы считаете, может быть важно?

- Рост? – вырвалось у меня, - насколько трудно будет подобрать потом для меня донора с хорошим ростом?

- И насколько хорошим? – окинула она меня взглядом.

- Максимально из имеющегося.

- Крупный плод, это дополнительные сложности в родах, - не согласилась врач, - многие женщины просят хороший рост, но вы же понимаете... Но для вас... почему и нет? Только в нашей базе нет такого уж... материала, придется делать запрос.

- Сделайте пожалуйста, - встrepенулась я, - время ждет, я планирую через год-полтора – не раньше.

- Если найдется сразу, за хранение в криобанке придется вносить плату ежемесячно, как за «бронь». Вы готовы? Хорошо, оформим заказ... а Людочке передайте... вот тут от меня, - завопилась она, доставая из-под стола поллитровую баночку с крохотными грибочками внутри:

- Здесь маринованные опятки. Не знаю, чем еще поддержать ее и порадовать, а их она любит.

Мы еще поговорили, обсудив дату забора яйцеклеток и переноса эмбриона. Юльке вручили препараты и схему их применения. И будто все происходило так, как и должно, но было мне как-то... печально, что ли? Потому что не встретятся никогда два человека и не узнают друг друга. А ребенок родится не из-за легкомыслия или неосторожности... и не подарком большой любви, а по нашему с Юлькой четкому, почти мужскому плану.

Возвращались домой, наблюдая новый снегопад за окнами автобуса - потеплело до минус десяти. И мне вдруг ужасно захотелось пройтись и продышаться. Даже если одной. Юлька опять уезжала и не первый раз уже звала меня с собой, но как-то... не хотелось. Я все откладывала знакомство с ее мамой.

Прогулки пешком я любила, но решалась на них не так часто. Все же скромная фобия – нежелание чужих взглядов, похоже имелаcь. И все-таки такими вот тихими зимними днями, но чаще летом или ранней осенью, когда скупой на краски север буквально полыхает ими... напялив наушники, я выползала на прогулки по Архангельску.

Обратно возвращалась буквально без ног и как бы это назвать... в очередной раз примирившись с личной действительностью.

В одиночестве тоже ведь есть своя прелесть и даже роскошь – это я и сейчас признаю. Никто тебя не дергает, не требует внимания и не давит на психику своим плохим настроением. И можно сколько хочешь слушать музыку, читать книги, бродить весь день...

Архангельск всегда был хорош для меня – на первый взгляд не особо впечатляющий, как-то частями благоустроенный...

Просто нужно его узнать и почувствовать - неспеша и душой. Соломбалу с ее деревянными тротуарами и трогательную в своей незавершенности пешеходную Чумбаровку, с фасадов которой ужасно хочется содрать всю наружную рекламу. А еще убрать совершенно не подходящие по стилю лавочки и пластиковую вагонку с отдельных домов. Улица с памятниками деревянного зодчества, которые перенесли сюда из старого деревянного Архангельска, могла быть чудесной.

Могла бы...

Мне всегда казалось, что этому городу не хватает хозяйки. Не хорошего мэра, а именно женской руки и глаза, чтобы обустроить его уютно и по-женски правильно.

Но со всеми его недостатками, для меня это город в котором приятно находиться. Может и нет здесь пятизвездочных отелей и мишленовских ресторанов, зато есть приветливые люди и

существует свой ритуал кофепития с черным мезенским пряником вприкуску. Именно поморы первыми в России распробовали кофе, который привозили заморские купцы.

Есть места с чудными видами на Двину и те, где кормят ржаным рыбником и калитками с разными начинками, кулебякой и поморским кёжем – горячим ягодным киселем. Есть Потешный двор и Ломоносовский парк, красивые скверы. Пускай это мелочи, но они кусочки чего-то большего – настроения, истории, атмосферы.

Мечтала ли я во время своих прогулок о *встрече*? Такой... нечаянной, вдруг. Спешила ли каждый раз, скажем так, навстречу своей любви? Было дело - каюсь, но только в самом начале.

Выносило меня из дому под угаром... впечатлением от сна и несла я себя тогда, как красавица Марфа. Не специально бегала искать знакомств - Боже упаси! Убивала ноги безо всякого умысла и планов. Просто несло куда-то, хотелось чего-то... вырваться из постоянного и привычного? Новых впечатлений? И Архангельск давал мне их - менялись времена года, виды, пейзажи, запахи... А со временем я еще и большие наушники купила, и собрала плейлист часа на три.

И, наверное, уже не представляла себе – что такого должно случиться, чтобы меня не замутило от чужих слюней?

Целоваться до одури мечтают в шестнадцать, в двадцать шесть мозг уже контролирует инстинкты, и ты уже взрослый человек, определившийся с желаниями и вкусами... расставила вешки, так сказать. И сама теперь за них – ни ногой.

Мне казалось - влюбиться без ума теперь не получится, если бы и хотелось - какой-то из сторожков да сработает. То, например, как сложилось у тридцатилетней Юльки... или сорокалетней Ерохиной. Столько лет и насмарку! Может мне еще и везло.

А еще я отлично понимала, что с каждым годом шансы даже не найти, а принять возле себя другого человека будут стремиться к нулю. Но и в одиночестве трагедии я не видела. Настоящие наблюдала на работе, так что и цену тому, что имею, знала. А тут еще у меня Юлька появилась и наши с ней планы.

Глава 6

Если не принимать во внимание белизну пластиковых окошек и разноцветье крыш из металлочерепицы кое-где, то прибрежные поморские деревни и сейчас выглядят не очень...

Те же темные бревна срубов – для сохранности дерево обрабатывали кипящим перпичим жиром и вначале он придавал бревнам приятный желтый цвет, но со временем темнел и сильно.

И огородики возле домов до сих пор так же чисто условно обносят жердями, только чтобы не вошла лошадь или корова. Сплошной забор не ставили ни тогда, ни сейчас – снесет ветрами. А жилье прямо на берегу ставилось и ради них тоже, чтобы сдували комаров и гнус. Особенно мерзок гнус – мелкая мошка, но и густые комариные тучи та еще беда. А звук какой при этом! Под мощной линией ЛЭП такой же гул – мерный и неотвратимый.

Кроме того, деревни выглядят непривычно лысыми на взгляд жителя отдаленных от моря населенных пунктов – по той же комариной причине дома не обсаживают. Да и не каждое дерево выживет при таком раскладе, даже на опушке ветер скручивает лесины немыслимым образом, отчего и называют такой лес пьяным или танцующим.

Дом родителей Марфы мало отличался от тех, которые до недавних пор строились на поморском севере – он был многосрубным, то есть состоящим из нескольких частей. Главная часть дома – изба с русской печью, к ней пристроены горенка, светлица и повалуша – неотапливаемые комнаты, в которых живут летом. Какого размера и в каком количестве, зависело от достатка и состава семьи.

Как и в каждом поморском доме, здесь еще была клеть, где плели сети и корзины, изготавливали посуду... Подклеть – полуэтаж под ней, использовали, как кладовую. А прямо к задку дома пристраивали хлев для скота, над ним – сеник.

Нищих поморов не существовало в принципе, но не все их дома были большими и выглядели едва ли не трехэтажными. Дом, в котором выросла Марфа, был огромным. Внутри тоже все небедно – просторно, гладко обтесанные бревенчатые стены, широкие некрашеные половицы, выбеленная и украшенная синими узорами печь; небольшие окна остеклены осколками слюды, что в те времена уже считалось признаком большого достатка.

Бабий кут возле печи красовался полками с дорогой обливной посудой и даже несколькими кубками из зеленого стекла, красный угол – иконами в начищенных до блеска окладах и большим семейным столом под ними. Вдоль стен крытые вязанными дорожками широкие лавки, на столе домотканая скатерть с вышивкой; богато, почти сплошь вышитые полотенца – на стенах...

Достаток чувствовался во всем, но на ком точно не экономил хозяин, так это на единственной дочери. Тонкой выделки белый полушубок, яркая камка сарафана, многие ряды бус из заморских кораллов... Валенки и те с накладной вышивкой.

Вот такой разряженной, да еще и в девичьей головной повязке, сплошь выложенной речным жемчугом... с повязанным на нее цветастым шерстяным платком Марфа и встретила свою любовь. В церкви, при скудном свете лампад и свечей, в тесноте не самого большого помещения, где на службу в большие церковные праздники собирались не только жители Мареньги, но и соседних деревень.

Высокий парень в распахнутом полушубке и нарядной рубахе под ним заметно возвышался над толпой, как и отец Марфы, как и она сама. А дальше, как водится: встретились заинтересованными взглядами и переглядывались всю службу, забывая молиться.

Парень и мне понравился – с легкой рыжиной в густых волосах, голубоглазый, с быстрым веселым взглядом, мягкой полуулыбкой... чем-то они даже были похожи.

Язык своих снов я уже так-сяк понимала – за годы «просмотра» немного привыкла, вначале больше ориентируясь на интонации и действия. Выучить же старинную поморскую говорю на зубок так и не смогла. Ладно бы там встречались отдельные незнакомые слова, так нет же – редко встречались как раз знакомые и привычные. Но и они немилосердно коверкались ударениями и произношением – мягким и с нажимом на согласные – подъежжать, страсть, ишшо... Легкое оканье не напрягало – его хватало и в наше время.

Нет, что-то из детства и разговоров стариков еще помнилось: блазнить – казаться, байна – баня, губки – грибы, куйпога – отлив... много чего еще. Русский язык у поморов крепко сплетался с финно-угорскими наречиями и даже скандинавскими языками.

Уже это было сложно, а во снах так даже смешно иногда – куда там «аки паки иже херувимам». Мои предки такие перлы вворачивали! Привычно и непринужденно.

Во время учебы в интернате в детских играх я не участвовала – не принимали. Воспитатель видела это, но что тут поделаешь? Я и сама даже сейчас не сказала бы – что именно. Но она сделала – приучила меня к чтению. И я читала запоем все то время, что училась в школе. Продолжаю и сейчас, когда выдастся свободная минутка. Но тогда были прочитаны от корки до корки все рекомендованные программой книги – от "Му-му" до "Войны и мира". А в старших классах у нас было несколько уроков, посвященных родному наречию – поморской говоре. Я и здесь настырно влезла в первоисточники, внимательно пролистав "Краткий словарь поморского языка" Моисеева.

Там, как пример, приводится один разговор. Интуитивно я угадала его смысл, но сейчас понимаю, что попади я вдруг в то время... точно назвали бы немцем.

«- Порато ль много, дефка, губок-то наломала?

- Дак дородно – жарехи-то поиссь...

- Мы-то с Ириньей сейгод ишша не хаживали в лесы-то.

- А вы койди походите? О Камкурью, нет?

- В товы то лесы обсецны, ондо обсецны. То там день целой упряк рында...»

И в этом все духе. Понятно, что речь идет о походе по грибы, но это и все.

Разговор Марфы с ее парнем на современный взгляд тоже должен был выглядеть смешно, но я впитывала в себя не так слова... я буквально купалась в ее настроении и эмоциях. А речь... слова не так важны, когда есть взгляды, касания и даже дыхание...

Где и было в старину полное равноправие между мужчинами и женщинами, так это у поморов, так что затюканной и трусливой Марфа не была и за словом, как говорится, никуда не лезла. Так что и заговорила первой, увидев вставшего с бревна навстречу ей парня. Только голос чуть подрагивал, выдавая волнение, ну и... чушь конечно несла – по той же причине. Но я очень хорошо ее понимаю, потому что и сама бы в той ситуации...

- Страсть, как стужа-то надоемши, – лепетала моя пра, – вона оно како: и не пройтись никуды толечком... до храма токмо и дошедши. А... чых ты будешь, на сколь долго сюды?

- Заради тебя здесь и осяду, – серьезно ответил парень, подходя ближе: – Коль возьмут брать рыбу на тоне.

- Покрут обряжают ближе к чистой воде. И здоров то ты – здоров... а токмо умеючи ли? Жадать – того мало, – усмехнулась Марфа.

- Глупая... – жарко выдохнул парень, обнимая ее за плечи: – Для тебя радеть буду, вымучусь всему, чего не знал до сего дни. Гляди и пожиточным стану, – лихо подмигнул, жадно глядя в девичье лицо.

- Ежели меня заради... то нать не токмо умеючи, молодец, а и таланесть каку иметь, – как-то еще пыталась «держать лицо» Марфа, потрясенно замерев в его руках.

- Данилой зови, из Шехуриных, – представился наконец парень, заглядывая ей в глаза, – а ты? Слышал шепоты в храме, да не дослышал – Марья ли, Марфа?

- И что за шепоты? – подняла на него очи девка. И не оторвать их уже было от его взгляда – не было сил.

- Шепоты... - шептал уже и сам он ей в губы, - о том, что и сам ужжо увидал – больно баская ты, Беляночка.

- Марфа я, – отстранилась она и потерянно оглянулась, словно отыскивая пути отступления. И заполошно зашептала, будто даже в панике: - Ох и бухмарно, никак скоро и снег падет. Пора мне – ужнавскорости... Даня.

- Постой! – не отпускал ее руку парень, - а коль до чистой воды сюда буду? Пождешь?

- Да куды ж я отсель? Смешно кажешь! – дернулась с места Марфа.

- Таперь наше с тобой тута место – крепко попомни, – весело топнул парень ногой. За его спиной темнела пустая уже церковь, вокруг расстились снега.

- Вабишь? – тихо усмехнулась Марфа, смиряясь похоже: - Ишшо в старом плавнике ладно место... за ручьем, по праву руку отсель, но то по теплу ужжо, - прямо взглянула она в глаза Даниле и поклонилась легонько – малым обычаем. Прощаясь.

- Пожди, да не поспешай ты так! – шагнул он ближе, - долго же ишшо как - до чистой воды-то, - и притянул ее к себе за плечи, медленно склоняясь к лицу и окутывая его клубами пара от частого, взволнованного дыхания.

Марфа смотрела в его глаза, будто заворожили – ни слова поперек сказать, ни прочь шагнуть.

Тогда и пережила она свой первый поцелуй – полярной ночью, в лютый мороз. Жарко было так!.. - до горящих пожаром щек и испарины на лбу. А хорошо так... ноги не держали и она прислонилась к парню всем телом, найдя в нем надежную опору. Так хорошо, уютно и тепло было душе... что осталось зарубкой на памяти поколений – глубокой, важной.

Сперва они целовались бережно, даже целомудренно... а дальше и крепко, до боли в губах. И долго еще стояли потом, просто обнимаясь и будто еще раз проживая в уме то, что случилось только что. Грея друг друга эмоциями, а может уже и чувствами.

И мне показалось, что эти обнимашки... чувство почти невыносимого счастья и полного доверия... Для Марфы они были во много раз дороже поцелуев и любых слов.

А бухмарно (пасмурно) тогда не было, наоборот – морозно, звездно и ясно. Только свет звезд гасили, затмевая собой, зеленые сполохи на темном небе. Разливались тягучими волнами и медленно плыли, делая лица бледными и отражаясь в зрачках изумрудами...

В те времена наше село стояло не совсем там, где сейчас. Мыс, сильно выдававшийся в море, раз за разом размывало сильными штормами - очень сильными, какие и бывают-то не всякий год. И люди потихоньку отступали - век за веком, переноса жилища ближе к угору, а потом и на него. А тогда только церковь и стояла на высоком месте. Я ее уже не застала – только камни фундамента и сотлевшие бревна маточного венца.

Что тогда потянуло Марфу из теплого дома на мороз? Времени после службы уже прошло достаточно и стояла хоть и не глупая ночь, но темно уже было. Да еще и дойти туда... Папка рассказывал – раньше избы стояли метров на сто дальше в море.

Нет, так-то... в снегах даже ночью полной темноты не бывает, и куда ступить тоже искать не нужно - найдено. И все-таки – зачем? Не было ведь у них ни договора, ни знака какого.

Может все вспоминала, взбудораженная неожиданной встречей и переглядываниями... И не в состоянии успокоиться, потянулась к месту, где получила настолько сильные впечатления? Другого объяснения у меня нет. Почему-то же пошла она туда, еще и спешила... соврала батюшке, что выскочит к подружке, торопилась, задыхаясь от волнения.

А Данила? Несколько часов ждал на морозе непонятно чего? Я не знаю! Но пережитое тогда моей... пускай будет - прабабкой, показалось мне действительно сильным. Очень.

Проснувшись под утро, я долго успокаивала дыхание и сердце. Затеяла пить чай в полшестого утра... улыбалась, как дура, трогая губы пальцами. Долго рассматривала себя в зеркале, вспоминая, как делала это Марфа и понимая вдруг, как мы с ней похожи.

А еще я понимала, что вижу их встречу идеальной. Идеальное начало отношений, которое для меня не повторится ни при каком раскладе – время другое и этим все сказано. Может потому и не вписался потом в этот идеал Олежка Демин – замечательный врач и неплохой в принципе человек. А только эти непонятные телодвижения... оригинальные знаки внимания – будто даже с агрессией, взгляды странные под "Ленинград" и матючки...

Но это будет потом, а тогда копаться в себе не хотелось, а хотелось бежать куда-то, танцевать, петь, смеяться... да что угодно, только не сидеть на месте!

Тогда и вынесло меня в город первый раз на весь день. К вечеру усталость притушила дурь, которая плескалась во мне с ночи и я немного пришла в себя, успокоилась. Тогда мне было двадцать три.

После того "те самые" сны не снились мне очень долго. Я специально вспоминала встречу Марфы и Дани, вызывала в себе то настроение, настойчиво думала, но... фигвам, как говорится.

Потом все-таки случилось. После тяжелой смены, когда падаешь и будто сразу проваливаешься в какую-то черную пропасть без дна и совсем без снов. Однако же сон я увидела. А лучше бы – нет...

Сколько времени прошло между первой их встречей и событиями нового сна, вначале я не поняла, но это было уже лето. Того самого года или следующего, стало ясно позже. Что все это время они были друг у друга – понятно. Насколько стали близки – нет. Но судя по тому, как всей душой прикипела Марфа к парню, вполне могло случиться и остальное. Во все времена случалось, несмотря на строгие запреты и даже угрозу физической расправы или даже казни за их нарушение. А у них все было слишком сильно, даже если судить по одной встрече. Во всяком случае, у Марфы. Знать, что творилось в голове у парня, я не могла.

А хотелось бы, как же мне хотелось потом влезть в мозг этому... Дане.

*** Постройки похожи. Но местность у моря выглядит иначе – более холмистой и даже обрывистой.

Глава 7

Отполыхав особенно частыми в этом году сполохами северных сияний, зима уступила место весне, а это самая неприкаянная пора на севере.

Лето у нас хоть и короткое, но очень быстрое, живое, жаркое в своей середине. Сухая золотая осень как-то легко и быстро становится прозрачной и голой, но никогда не бывает слишком долгой. На Покров, как правило, уже ложится постоянный снег и до начала апреля не сходит. Оттепели среди зимы могут быть, конечно, но они короткие. А вот весна ужасно долгая, грязная и сырая до ужаса... Та, которую все любят – с теплом и брызгами первой робкой зелени, начинается только в конце мая.

Моя Юлька забеременела и как-то сразу стала очень красивой – лицо спокойное, движения плавные, взгляд мягкий. Она часто улыбалась и улыбка делала ее похожей на приветливую ласковую лисичку. И мужчины это увидели и стали дарить ей свое внимание, но Юлька будто забыла, что бывает еще какое-то счастье, кроме материнского. Вся в себе, в чем-то своем...

Ерохина помогла ей устроиться в перинатальный центр на должность терапевта, и я была полностью с этим согласна.

На ее место во врачебную бригаду взяли Милу – интересную и черноволосую, как цыганка. А еще бойкую, наглую и даже отвязную. Что говорить, если на заднем стекле ее машины красовалась надпись «За рулем Мила, храни вас Бог». Мужчиной скорой она сразу же стала командовать, как корабельный боцман матросами. Кто-то послушно прогнулся, кто-то мягко ее осадил... со временем отношения наладились и стали ровными. Мне кажется, она просто нервничала на новом месте. В принципе она мне даже нравилась своей раскрепощенностью и решительностью.

А еще она обратила внимание на Олежку Демина. Явно не клеилась, но знаки определенно были: частые вопросы к нему (все по делу), долгие взгляды (прямые и исподтишка), что-то еще... Но Демин похоже любил свободу или у него уже была женщина о которой мы не знали.

В марте я опять сорвалась... И плевать! Главное – там не было Юльки. Дежурила я с Сашей Кротиковым, студентом второго курса меда, худым и жилистым, с хитроватым и даже «пройдошистым» лицом. С замечательным чувством юмора и бездной личного обаяния. За время дежурств с ним я услышала кучу неплохих анекдотов, а это отвлекает...

Вызов в два часа ночи. Девочка, 5 лет, очень высокая температура. По пустым дорогам мы летели с мигалками. Приехали на адрес в район на краю города, там старое восьмиэтажное общежитие. На пятый этаж поднялись пешком – в лифте не решились, слишком подозрительно он выглядел, во всех отношениях...

Дверь открыла женщина и явно под сильным градусом. Несмотря на явные признаки частого употребления, в ней еще наблюдались признаки былой... дамскости, что ли? Такая себе... Кармен в подпитии. Тяжело вздохнув, я выдала стандартную фразу:

- Здравствуйте, скорую вызывали?

В ответ тупой взгляд, речь несвязная: - Как-кую скорую?

Стало понятно, что человек не в состоянии не то, что отвечать, но и понимать. Пришлось брать всё в свои руки. Я отстранила ее и, не разуваясь, мы прошли в маленькую комнатку. На диванчике я увидела девочку и сразу поняла, что всё плохо и в больницу нужно срочно.

- Сколько времени ребенок в таком состоянии?

- Да вот тут... недельку так чего-то лежит, не знаю, чего такое...

- Скорую вы вызывали?! – рыкнул из-за моей спины Сашка.

- Ни... я ни-ни – Любка к ней заходила! Может она?

- И где она сейчас - Любка? – вел допрос Кротиков.
- За добавкой... к дяде Жене. Рыбка осталась, а пить – тью-тью...
- Ребенок в опасности, едем в больницу, - искала я взглядом чем укутать девочку.
- Какую?.. Сейчас Любка придет, ни... никуда не едем!
- Для нее бухло важнее, Варь, - тихо и решительно отметил Саша.
- В одеяло ее и гони вниз, - решила и я.

В ребенка вцепились сразу Саша и мать, еле стоящая на ногах. С чего она решила, что девочку нельзя отпустить с нами? Не было там ни логики, ни ума уже похоже, зато подстегнутой алкоголем злой силы - немеряно. Но там была и я – опять потерявшая берега. Пульс у дамы потом хорошо прощупывался, я надежно зафиксировала ее на боку, чтобы не захлебнулась рвотными массажи, если вдруг сильный сотряс. И мысленно прощаясь с работой, а может и свободой, помчалась вниз по ступеням вслед за Сашей.

И опять мы мчались с мигалкой. По пути я вводила лекарства и следила за состоянием ребенка, Сашка грамотно помогал. И тут вдруг все признаки асистолии: бледность резко перешла в цианоз носа и губ, пальпировать пульс на сонной артерии невозможно, зрачки на свет не реагируют, нашатырь тоже... до лампы. И судороги...

- Дядь Паша, тормози!

Сердечно-легочная реанимация ничего не дала. Может, если бы реанимобиль... монитор сразу показал бы предвестники асистолии. А нам и не хватило минут или даже секунд? Хотя и тогда бы сильно вряд ли... судя по общему состоянию.

Я вышла из машины и прислонилась спиной к грязному борту, хватая воздух широко открытым ртом. Как была – без куртки и абсолютно не чувствуя холода. Не чувствуя вообще ничего. Такое уже бывало - защитная реакция похоже.

- Варюха, ты чего? – выглянул из кабины водитель, - все нормально?
- Да... Саш, запомни время смерти – 3 часа ровно.

И в этот раз для меня обошлось.

Родной брат Кротикина работал в полиции, акцент сместился на неоказание помощи пьющей матерью. Мою медицинскую душу... со всеми признаками не безобидной профдеформации, а садизма на тот момент... отчаянно грела мысль, что баба точно не жалеет – на женской зоне такого не прощают. Но что там было дальше, я не отслеживала, просто выдохнула. И все-таки ждала или выговора, или строгого разбора полетов. Но вскрытие показало, что там было без вариантов, сердечко уже не тянуло.

Может показаться, что я опять жалею, описывая геройский наш труд и пациентов – сплошь алкоголиков. Это совсем не так, люди очень разные и в основном неплохие, а таких случаев все-таки мизерный процент от общего количества вызовов. Но они те самые - залпом истощающие ресурс нервной системы, психика реагирует на них... просто ужасно.

В тот день мне и приснился очередной сон – до кучи, так сказать. Приснился через годы после того – удивительного и почти сказочного. Он уже начал забываться в мелочах, но приятное «душевное послевкусие» оставалось. Так забывается сюжет книги, а нечаянно наткнувшись на нее и выхватив первые страницы, ты вспоминаешь не так подробности истории, как настроение после прочтения. У меня обычно так.

И здесь... я опять чувствовала очарование встречи Марфы и Дани. И надежду, что дарил мне тот сон.

И вот продолжение моего «кино», и теперь это лето, а оно райская пора на севере, если не вспоминать о злобных комариных роях. Но это и не о городе.

Тут немного поясню – поморы были непревзойденными мореходами и на промысел иногда уходили за тысячи километров. Люди верующие, они сохранили и многие дохристианские традиции. Сложился целый культ моря и никак кроме «морюшко» его в старину не звали. Даже слово «помор» произошло от финно-угорского «пуома» - человек моря.

Слово «баба» раньше считалось обидным, неуважительным. У нас говорили «женка». Женщина была равной мужчине, а в доме и главнее. А как иначе, если мужики пропадали на промыслах с мая по сентябрь, а придись остаться на зимовку, то и больше года? Так что весь быт, хозяйство и дети были на женщине. Многие ходили и в море, но не так далеко – до ближайших банок (ям) или ловили вообще рядом с берегом в массовый ход наваги или сельди.

Выходили на легких на ходу беспалубных однопарусных посудинках с высоким носом и кормой – ёлах. И то ли скучали женки сильно... или что-то случалось в семьях, но было – срывались к мужьям, пролетая под парусом ни много, ни мало – все Белое море. Сколько времени занимал такой переход на малом яле – достоверно неизвестно. Я тоже с этим не определилась – воспоминания Марфы не включали в себя почасовую трансляцию.

Но эмоции, переполняющие ее – задор, нетерпение, радость... я прочувствовала. Вместе с ней любовалась широкой водой, и бескрайнее морюшко казалось каплей малой в том океане счастья и любви, который плескался у нее в душе. Радовалась гладко натянутой парусине над головой и небу, с которого постепенно исчезли прибрежные бакланы и чайки. И только соленая свежесть на губах, легкое журчание за бортом и предвкушение встречи, от которого сладко сжималось все внутри.

Из дому пра удрала самым наглым образом.

Сёла всегда ставили у реки или ручья. Разница между ними определялась судоходностью. В реках, надежно защищенных от штормов песчаными косами, небольшие суда и суденышки могли стоять прямо на воде, на якоре. Наш же ручей всегда был мелок, поэтому для сохранности лодки подтягивали на морской берег по гладко оструганным бревнам. Пускай семейная посудинка и была небольшой, но одна подтянуть ее наверх Марфа не смогла бы, а вот столкнуть, налегая сверху – запросто. Одежду, еду, воду и гостинец для Дани – новенькие бахилы, сшитые из мягкой крепкой кожи и с высокими, до бедра голенищами, она собрала заранее.

Не будь дома отца, она может не рискнула бы вот так сорваться – это значило бросить хозяйство, а женщин, кроме нее, в доме не было, Марфа была в нем главной хозяйкой – большой.

Но батюшка на Лопский берег (Кольский полуостров) уже пару лет не ходил, так что, написав ему записку (все поморки обязательно были грамотными), ранним утром Марфа отошла от берега на веслах, подняла парус и взяла курс на Лопь.

Я в нее верила – видела, как верит в свои силы она сама и как уверенно управляетсся такелажем - всеми этими бензелями, боутами, риф-штертами... а еще грамотно ориентируется по солнцу.

Ловить большую рыбу всегда ходили к Кольскому. Белое море мелкое, настоящие морские глубины начинаются там – ближе к выходу в Баренц и дальше. А какая глубина, такая и рыба. Я тоже ходила на треску и знаю четырехметровую банку недалеко от Сюзьмы и всего метров семьсот мористее. Так и треска там – максимум двухкилограммовики.

Как Марфа вышла на место стоянки рыбаков на Лопском берегу, могу только догадываться. Но знаю, что обычно на подходе к берегу ловят ось створа, передвигаясь галсами и ориентируясь на заметные предметы или возвышенности на суше. Марфа ориентиры знала. Расспросила подробно, готовилась?

Ее заметили еще издали и уже ждали на песчаной кромке мужчины низкого роста с немного странной осанкой – будто с чуть согнутыми коленями, отчего руки казались длиннее. Лица светлые, глаза тоже, но слегка раскосые, а лбы слишком высокие по сравнению с нижней частью лица. Одеты в широкие штаны из грубой ткани, широкие же длинные рубахи безо всяких излишеств – повседневные походе.

В целом же... у лопарей и раньше была неплохая внешность. Сейчас их называют саамами и понятно, что за эти века не обошлось без кровосмешения с европейцами. Так что сейчас они выглядят, как те же псковичи – тоже финно-угорская группа.

Марфа не удивилась встречающим, а будто даже обрадовалась. Грамотно подвела ялик к таким же двум бревнышкам, бросив конец мужчинам. Вскочила на берег, дождавшись схлынувшей волны и встала там, наблюдая, как втаскивают лодку.

Потом нас... ее то есть, повели между большими валунами куда-то вглубь. Дальше сплошные камни закончились и открылся вид на уютную ложину, где стояло десятка два больших чумов, крытых кожами. Между ними сновали люди - больше женщины, а с приближением мужчин и Марфы наружу высыпали все, наверное, кто там жил.

Еще на подходе к берегу она переделалась в цветастый сарафан с красиво вышитой рубашкой. Бусы, девичья повязка с яркой вышивкой... и связанные веревочкой бахилы в руках - для Дани.

В стойбище ее встретила женщина средних лет, одетая очень нарядно - белая полотняная ткань длинной, до косточек рубахи была богато расшита бисером на верхнем проеме и краях рукавов.

Насколько я знала еще со школы, у саамов Кольского полуострова всегда был матриархат. Та женщина неплохо говорила на поморском наречии и оказалось, что наших рыбаков ждут только к вечеру и Марфе тоже придется ждать.

Сами лопари ростом не вышли и на большую гостью глазели, как на диковину, но потом та женщина - то ли их вождь, то ли шаманка... прикрикнула и все опять занялись своими делами.

Сидеть остались только одна молодая женщина и одета она была даже наряднее своего начальства - низ рубахи и края рукавов, кроме бисерной вышивки, были красиво выложены кусочками ткани синего, зеленого и красного цвета, по краю подола и рукавов пробегала тонкая меховая кайма. Круглое лицо, чуть раскосые глаза, туго сплетенные недлинные косы переброшены на грудь. На голове странная шапка - полосами из яркой ткани разного цвета и сильно скошенная назад. Шапка мне не понравилась.

Эта женщина не участвовала в общей суете... то ли медитировала над чем-то, то ли чего-то ждала. Со временем, когда Марфа уже угощалась чаем и большими кусками рыбы, томленной с ягодами, она приподнялась, садясь удобнее и получилось ее рассмотреть. Тогда и выяснилась причина безделья - беременность. Она была сильно на сносях - вот-вот...

Ожидание затягивалось, так что Марфа попросилась поспать в чуме - после еды и с устатку разморило. Проснулась она от шума и гомона, что поднялись в стойбище. Вход был поднят и ей что-то крикнул пробегающий мимо молодой паренек - один из тех, что помогли с ялом.

Понятно, что причиной оживления было возвращение с рыболовной тони земляков. Оставив пока в чуме Данин подарок, Марфа степенно пошла следом за всеми, ожидаемо оказавшись последней из встречающих. Нельзя было спешить... страшно было расплескать то, что она чувствовала, что рвалось вперед нее и буквально орало внутри от счастья!

Пристань для судов побольше была устроена дальше по берегу и идти туда пришлось чуть дольше - за небольшой каменный мысок. Марфа остановилась за одним из высоких камней, не зная еще, как покажет себя жениху. Но нетерпелось ей сильно и вряд ли она всерьез обдумывала свой «сюрприз»... скорее просто смотрела во все глаза на Даню, который стоял на самом носу судна, уже подходившего к берегу.

И в наше время особым шиком считается выскочить на твердый, утрамбованный приливом песок так, чтобы не замочить обуви. Он так и сделал под одобрительные крики встречающих, а дальше...

Дальше сердце встало комом в горле, не давая вдохнуть. Уже стоя на берегу, ее Даня бережно прижимал к себе ту беременную. Замер, обнимая ее так же, как той зимой обнимал возле храма Марфу. Тихо улыбался, склоняясь и слушая, что та ему говорит.

Я не хочу... не смогу, а потому и не возьмусь в точности передать то, что творилось с моей пра... та каша в голове, отчаянье, непонимание, боль адская... Такое неопишимо в принципе, а может и непереживаемо. Что можно рассказать о том, как ты гибнешь, как рушится мир и с него уходят краски?. Когда думать не получается вообще – только чувствовать. А чувствовать ужасно больно... просто до умирания!

Я чувствовала вместе с ней.

Очнулись мы или немного пришли в себя, уже столкнув с лесин ялик, сделав несколько сильных гребков и аккуратно уложив весла вдоль борта. За здоровыми камнями от той пристани нашу мелкую посудину видно еще не было. А потом... по-моему, ей уже пофигу было – что потом. Все делалось на автомате – ставился парус... Марфа как раз и поймала им ветер, выйдя из-за той скалы. Были еще звуки, кроме плеска волн... кажется, голоса, но в голове шумело, в глазах резало и желание было одно – бежать.

От человека, который уничтожил, от действительности, от всего... Хорошо – не из жизни.

И получается – это не лето после их встречи, а следующее – через год. Или нет?.. Подумать обо всем этом можно было и потом. А тогда нам нужно было домой. Срочно.

Глава 8

Проснулась я с головной болью и гадким настроением. И непонятным мучительным чувством - что-то у меня не складывалось...

И не за свою пра я переживала – она выжила после всего, а потом и замуж вышла, родив минимум одно дитя – я же существую? Но...

Достойное и красочное прошлое моего рода вдруг скатилось в пошлую мелодраму. Стало обычным и заурядным... привычным? Для нашей современности измены и разводы из-за них явление обыденное, редкость скорее «долго и счастливо», которого я и ждала от Марфы с Данилой. Была уверена, что они поженились, а там и я... хоть краешком, да причастная к их большой любви. А тут!.. Ничего нового, ничего хорошего – пошло, грязно, больно. И у Данилы теперь ни шанса, потому что такое и я не простила бы.

Болела голова и мысль я не додумала – чем-то слегка перекусила и пошла досыпать со снотворным. А проснувшись, поняла, что меня мучило: мы с пра чувствовали и мыслили идентично, а так быть не могло. Человек, даже просто взрослея, меняет свое отношение к жизни, набирая опыт, который делает его или терпимее к человеческим слабостям, или наоборот. Род тоже набирает свой опыт, но он сказывается на будущих поколениях. Марфа же будто была моей современницей.

Ну не могла женщина того времени мыслить и чувствовать в точности, как я! Больше того... это я не дотягивала - не она. Это у меня рвало крышу, и это я, скажем так - хулиганила на вызовах. Она же позволила себе только какие-то минуты горестного затмения, но даже в это время действовала адекватно, а по моим меркам – разумно и правильно.

И отношение к изменам тоже... сейчас я не о мужском чувстве собственности, но самка неандертальца вряд ли знала, что такое ревность. Сравнивать пещерный люд и нас – это слишком, но были и промежуточные этапы «взросления» сознания – время, в котором жила Марфа, тоже.

И я больше поверила бы своему сну, если бы она завопила и устроила Даниле разбор полетов. Все-таки чем дальше от нас «туда», тем более терпимыми были женщины, потому что просто выжить и вырастить детей с помощью мужа было важнее, чем его верность. Слезы, скандал, может мордобой... но не такая решительная собранность и полное неприятие.

Ну не стыковалось у меня!

И я полезла в интернет. Долго мучилась, составляя запрос и долго ничего не получалось: «интеллектуальная история» изучала аспекты глобальные, там все рассматривалось в свете готовности общества к социальным переменам, а психологию поколений выбрасывало, как проблему отцов и детей. Не то!

И все-таки я нашла... Существует «Теория поколений» - концепция, предполагающая, что каждое поколение людей имеет уникальные характеристики, ценности, убеждения и поведенческие особенности, которые определяются их социальной и исторической средой. Формируются эволюционные общественные представления и... *сменяются ценности*.

И хотя в пример приводились только последние лет сто, это только подтверждало - не могла в то время Марфа оценивать все в точности, как я, чувствовать и переживать, как я и больше того – действовать умнее, чем могла бы я.

Все-таки психика колобродит? Я уже не знала... запуталась.

Сон не отпускал. и я вспоминала подробности, которые тогда упустила – ту же природу Лопского берега. Интернет подтвердил, что в прибрежной местности на северо и юго-востоке полуострова «родной» ему является кустарничковая тундра с карликовыми березками и лишайниками. А они щедро перемежаются выходами скал и каменными россыпями.

И лопари описывались такими, как я их видела, и даже еда – рыба, ломтями томленная под пресной сихой и кислой клюквой...

Но природа Кольского и наличие этой народности секретом не были, память могла подбросить уроки географии и истории.

И то, что наши рыбаки в сезон лова останавливались не в диком месте, а «в гостях», логично. Русские всегда лояльно относились к другим народностям и неплохо с ними уживались и ладили. Скорее всего, с лопарями чем-то расплачивались за гостеприимство, и я даже догадывалась чем. Одежда местных жителей не могла сильно меняться от сезона к сезону – с чего? Разве что летом носили бы кожаные балахоны более тонкой выделки. А там была грубая домоткань... лен? В жару нет ничего лучше льняной ткани, крепче и практичнее. Похоже расплачивались ею. Ну и отдавали часть улова, это само собой...

На работе заметили, что со мной что-то не совсем так.

Скорее всего, связали это со смертью той девочки, поэтому молчали. Тяжелые случаи обсуждались у нас только с целью передачи опыта, скупое и точное – оценочно. Вживаться в чужое горе и вдаваться в его подробности было неразумно. Психика подстраивается, конечно, но ее ресурс не безграничен. Может поэтому на скорой и не работают всю жизнь.

Это просто этап.

Бесценный с точки зрения наработанного опыта, вынужденный или просчитанный, но обязательно временный – кого на сколько хватит. А еще как себя заявишь, что быстро становилось известно и открывало перспективы. Особенно это касалось врачей мужчин.

Пошли слухи, что Олега Демина сватают в областную реанимацию. Пока что рядовым специалистом.

А я, как могла, старалась забыть и сон, и тот случай. Прогулки в одиночку только усугубили бы, и я стала звать с собой Юльку – беременным полезно много двигаться. Но ее пришлось беречь, и я совсем не уставала, а именно это и нужно, чтобы просто упасть и уснуть.

Еще будто бы шопинг хорошо отвлекает... только я не умела одеваться. Вещи моего размера как правило были рассчитаны на возрастных женщин. Добротные, неплохо сидящие, они зрительно крали годы, старили. Шить? Я не знала – что, а хорошего стилиста позволить себе не могла.

Поэтому джинсы, тапочки, футболки... на выход – классические брюки, блузы на выпуск, тонкие или теплые просторные джемпера. На работе – просторная форма... в ней я казалась особенно большой.

Немного обидно было то, что мне будто и нечего стыдиться: грудь, бедра, ноги соразмерной длины, талия... не осиная, но она была. Но подчеркнуть все это при моем росте значило привлечь еще больше внимания, а его не хотелось.

В июне Мила пригласила всю нашу смену в кабак на свой День рождения. Условие выставки одно – закуски ее, а пойло каждый плещет сам себе.

Это был мой первый выход в такое место. Причиной похоже все-таки моя фобийка. Или нет... если раньше и мысли не было – выйти на люди, мелькать там, а чего доброго, еще и танцевать у всех на виду. Но тогда, наверное, что-то такое мне и нужно было – чтобы уж встряска так встряска.

Ну что сказать – она удалась... уж.

Кабак не пафосный ресторан, так что насчет «низа» я не переживала – имелись новые джинсы цвета индиго. Темный цвет, как известно, зрительно уменьшает. Верх же... открытые плечи, пайетки и кружева, которые советовали для праздничного образа модные сайты, меня не вдохновили. Хотелось чего-то красивого, но неброского. И я его нашла, потратив целый день и согласившись в итоге, что шопинг полезен – и утомляет, и отвлекает.

Садясь в такси в тот вечер, я нравилась себе – и легкая растрепанность волос, и макияж, сделавший лицо ярче и свежее, но особенно – блузка. Угольно-черная шифоновая блузка,

богато расшитая бело-золотым узором. Она просвечивала и сильно, но красивое белье у меня было, да и вышивка на груди делала прозрачность ткани не такой провокационной.

Господи, если бы я знала! Я сломала бы руку или ногу, но туда не пошла. Но я поперлась. И вначале все было здорово: знакомые лица, не затянувшиеся надолго комплименты, потом выпивка по вкусу и неплохая еда. И лучше бы Мила выставляла спиртное - обошлось бы дешевле, потому что мужики не просто ели, они жрали... Там вкусно готовили, может поэтому. Я тоже закусывала, но все-таки слегка опьянела. Повеселела, расслабилась, много смеялась над анекдотами, которые самозабвенно травил Сашка. Любовалась им – какой все-таки молодец! И такой милый и внимательный ко всем нашим женщинам.

В таком вот классном настроении я и потеряла бдительность. И на приглашение Олежки потоптаться на танцполе согласилась.

- Да какие танцы, Варь! - отмахнулся он на мою первую реакцию – отказ, - думаешь я умею? Потопчемся под медляк... нужно подвигаться, больше часа уже сидим. Народ, подъем! Что вы, как старики... молодость вспоминаем?

- Смешные случаи, – возразила я.

- Нахрен их – любые. Отдыхаем... танцуют все!

Похоже, не только мы решили, что пора размяться – на танцполе уже топталось с десятков пар разной степени подпития.

Танцевать с Олегом мне понравилось – он слегка направлял меня, так что у нас получалось что-то похожее на настоящий танец. Его молчание, уверенность, теплые большие руки, свежий аромат парфюма... чуть резковатый, чисто мужской - мне всё нравилось! Я даже забыла, что должна стесняться своего роста... что выше своего кавалера на полголовы.

Но медленный танец как-то быстро закончился и сразу зазвучало что-то ритмичное и забойное. Из-за столиков резво вскочил и рванул в нашу сторону хорошо уже пьяненький народ.

Мы пробирались между ними к своему столику, и Олег придерживал меня за талию, направляя и защищая от толчеи, когда сбоку прозвучало:

- Мужик... кха... и как оно в ней - карандаш в стакане?

Пока до меня доходило... завязалась драка. Демин вмазал сразу с размаху, ему ответили, кто-то кинулся разнимать их...

Я ушла сразу, как только поняла, что до вызова свободной бригады дело не дойдет. За стол не вернулась – сразу завернула к гардеробу, где оставила жакет. Удачно подвернулось такси, потому что вызвать его было бы проблематично – мобильный я не брала. Тут уже была бы нужна сумочка, а что придумать к джинсам, я не сообразила. А так... ключ и деньги просто сунула в карман штанов.

Не нужно было так уходить. Наверное. За меня вступились... вступился мужчина, как и положено. Но лучше бы – не нужно... Вообще ходить туда не нужно было. Мне было так стыдно!.. За себя и почему-то за него. До болезненного удушья, до слез! Давясь ими, я попросила водителя изменить маршрут, потому что дома меня ждала истерика. Вышла я на набережной.

Белая ночь собрала у воды много гуляющих. И поздние двинские закаты не шли, конечно, ни в какое сравнение с морскими, но и здесь было красиво. Наверное... Мне было так плохо! Сдохнуть хотелось, и чтобы без возможности реанимировать. Я шла сама не знала куда – сутулясь и роняя черные от потекшей туши слезы на новую блузку. Дико дорогую гадство, что усугубляло. До своей Соломбалы добралась пешком аж под утро, устав, как не знаю кто...

Умывшись перед тем, как лечь спать, я посмотрелась в зеркало. Лицо было бледным и опухло от слез – первых за многие годы, а глаза стали голубее... как будто стыд и обида сделали их ярче.

Назавтра был еще один выходной, и я отметила его звонком заведующему, озвучив слезную просьбу о переводе в наш пункт на острове. Решила, что психику стоит побережь, а то мало мне снов... так теперь и это.

Не знаю, что он услышал в моем голосе, но перевод обещал. Соломбала не лучшее место, чтобы и жить там, и работать – все-таки два больших завода. Зато все рядом.

О том, что откочевала на остров на постоянку, сразу же сообщила Юльке и получила приглашение на следующий день вечером к ней – отметить шевеление в животе. Мы уже знали, что ждем девочку и это настоящая удача – все-таки девочки к маме ближе и воспитывать их без отца проще.

На звонки я дисциплинированно отвечала, в том числе и Олежке. На вопрос, заданный деревянным голосом «куда я вчера пропала?», надеюсь, что непринужденно ответила:

- Да перепугалась, Олег Валерич... драк боюсь.

- Варя, не дело... - сипел он в трубку, - нужно поговорить, я объясню.

- Что дураков хватает? Я и так знаю.

- Да блин... Варя!

- Мне пора - дела. До смены в общем... - скомкала я разговор, зная уже, что следующая моя смена в новом месте.

У Юльки под привозную молодую картошечку мы от пуза наелись максы, которую она готовила просто божественно. Обычно это блюдо готовят только из рыбьей печени, в основном налиమ్ей или тресковой. Добавляют чуть припущенный лук, перчат, солят и томят под крышкой в малом количестве воды. Юлька делала максу еще и с икрой и молоками, чуть подрумянив лучок на сливочном, а не растительном масле.

Настроение выправилось... еще и потому, что отмечали мы не только Марусины танцы в мамкином животе.

- Пляшет на моей печени... балерина такая, - радовалась Юлька и давала мне его пощупать.

Но была у нас и еще одна радость - тем же утром мне звонили из Центра ЭКО.

- Варвара Дмитриевна, нашелся донорский материал по вашему запросу: рост два метра два сантиметра, темные волосы, студент второго курса Политеха. Берем?

- Да! – выдохнула я, - и пропади оно все пропадом!

- Не скажу, что согласна с этим, но... тогда делаю заказ? Данные на оплату «брони» со следующего месяца вам вышлют СМС. Всего доброго! - попрощалась со мной репродуктолог.

Берем – больше не сомневалась я ни минуты. Лучше вся жизнь в одиночестве, чем в обидах и ненависти. А то одно я уже благополучно освоила, а ко второму похоже стремлюсь.

И да - пропади они все пропадом!

Глава 9

Слюда многослойна и хранит тепло лучше стекла. Но окошки из слюды скорее для света, а не обзора. Случаются правда более тонкие и ровные участки и сквозь них можно увидеть не только белый свет, но и его подробности.

Такое пятнышко малое было и в окошке центральной избы, в которую Марфа с отцом уже перебрались из летних повалуш по причине осенней прохлады. И уже вторые сутки Марфа металась по дому, ломая руки и время от времени заглядывая в слюдяную продушину, которая на тот момент была для нее средоточием всего мира. Там ничего не менялось: все так же на осеннем холоде, в пожухлой траве, клонимой к земле сиверком... склонив повинную голову и не двигаясь, стоял на коленях Данила. День, ночь и еще день.

- Обезножит ить паря-то, - ворчал отец, понимая уже, что не заблудилась тогда дочка в прибрежных Лопских островах. И причину всего происходящего видимо тоже уже понимал.

- А ишшо порты егойные от сердца жаль – в них поди и вывётрица (справляет нужду), - шипела сперва Марфа, но вскоре замолчала совсем. Ходила по дому, как тень, не ела и не пила... тоже. К окошку тянуло со страшной силой, и когда уже невозможно было терпеть, она подходила и смотрела. А там - он... все так же не поднимая головы и не вставая с колен.

- Ирод... пропади ты ужо пропадом! – отчаянно шептала она, вытирая бессильные слезы. И опять кружила по избе, забывая о боли в ногах. Ночью смотрела в потолок, пока не меркло сознание, но ненадолго – почти сразу и вскакивала. Неизвестно сколько раз за ночь. Снова и снова всматривалась в ночь в надежде, что может одумался... но нет – темная тень ни на локоть не сдвинулась с места.

Вначале на такое дело сбежались поглазеть люди, толклись вблизи. Потом смотрели уже издали. К Даниле подходили мужики, уговаривали похоже... но он не смотрел на них, не двигался и никак не давал понять, что слышит. Вода, которую для него принесли в плошке, так и осталась нетронутой.

Подходил к концу второй день, и Марфа не выдержала. Вскрикнула, подбежав к отцу:

- Эного бутного (вертлявого) и лжущего... изыми с глаз моих! Хоть и силком вяжи. А нет... я убёгом да на Онегу - лесами пойду.

- Не дойдешь же, - потерянно протянул отец.

- Знацца в багулье да вересах костоцки мои найдешь... коль не расташшыть зверье. Миром прошу – изыми эного отсель.

- Дура, - вздохнул отец.

- Дура да всё твоя, батюшка, - всхлипнула Марфа.

- Моя... - рад был отец уже тому, что она заговорила.

Прошло полтора месяца с тех пор, как дочка вернулась с моря и замолчала. Почти совсем... лишь отстраненно и коротко отвечая на вопросы. И скоро с ней перестали заговаривать, стали сторониться – блазнится мол что-то веселой и приветливой раньше девке. Только он все это время и пробовал пробиться сквозь стену молчания и выяснить его причину.

Но Марфа не могла.

Рассказывать, это опять рвать душу, а там и так уже... ошметки одни. Провыв и проголосив весь путь до дома, на берег она еле выползла – совсем без сил свалилась в воду у берега, вымокнув по грудь. Отмахнувшись ото всех, побрела до дома. Мужики подхватили ёл и втащили его на сушу, а отец, ворча и выпрашивая, шел за ней.

- Будя варайдать (ворчать), батюшка – не попамши я с девей дури на Лопь. Изыди, будь добр, моченьки нет балясить, - и это все, чего он добился за все время. А ранней осенью воротились с Лопского берега рыбаки. Данила сошел с баркаса, сразу прошел к дому Марфы и встал на колени. И вот так стоял уже два дня и ночь.

Вначале ее душила злость – дикая, ненасытная! Хотелось выскочить и прибить его, придушить, затоптать! Да много чести – говорить с таким. И Марфа решила не замечать его. Вначале получалось притворяться – даже перед собой. Работала по дому, готовила отцу еду... вот только не было сил выйти из дому на глаза Дани. А уж заговорить с ним!

Но постепенно в груди стало собираться и копилось там... и давило, как злой домовый, уже что-то другое – хуже злости, страшнее ненависти.

Обреченность.

Ясное понимание – что бы он ни делал... да хоть помри вот так под окнами! Легче схоронить и самой лечь рядом, но не забыть его ласку для другой... то, как обнимал ее, как тихо улыбался – совсем, как ей.

Даню увели силой и скорее всего заперли. Может и связав, чтобы опять не ушел, но это вряд ли, потому что Марфа видела, как все было. Как он вяло отбивался, когда его подымали, но ноги подломились и он рухнул наземь всем телом, да так и лежал. Мужики подняли его и унесли в тепло.

Зная это, она уже могла дышать без боли, даже выпила воды. Страх за него уходил, хотя тревога и беспокойство еще оставались – что там с ногами? И было понимание – рядом с ним ей не выжить. Ходить рядом, видеть... а он же опять придет! – пришло в голову. Не оставит попыток объясниться и вымолить прощение. А ей даже думать о нем смерти подобно.

- Родненький, – упала она на колени перед отцом, как только тот вернулся в дом: – Христом Богом... гони его. Пушай он – вдалях. Я ли – он ли! Вмestях никак невмочно – сделаю ишшо што... да вон хоть в морюшко уйду!

- А ить окрутить вас хотели на свадебных седмицах... – потерянно вздохнул отец, – Марфуша, а дай я поясню? Как на духу... вzaболь (честно) говорить стану...

Усадил дочь на лавку едва ли не силком и рассказал. Честно.

Я передам своими словами и со своими комментариями – осмысливала потом, мозговала...

На то место Лопского берега рыбаки ходили давно – сколько есть памяти. А их служение морю, почитание его и почти обожествление не были еще одной верой. Суеверием скорее. И сейчас нет неверующих моряков, а может и несуетерных, но тогда суеверия людьми буквально правили.

Существовали привычные уже ритуалы... например, женки давали мужьям с собой песок с родного берега, чтобы тот возвратил их домой. Перед выходом на промыслы мужики неделю не мылись, чтобы не смыть дорогу. Речки, озера, тони и островки часто называли именами людей, утонувших в этих водоемах или около них – уважишь покойника, он и не напакостит. Хотя понятия «утонул в море» у поморов не было – говорили «море взяло». Кормит, дает, но и плату за это берет – жизнями.

Смерть в море считалась не то, чтобы геройской, но хотя бы оправданной такой жертвенностью. Может потому, что люди моря никогда не гибли по неосторожности или бестолковости, а только в безвыходных ситуациях, неотвратимых. Было ли их семьям от этого легче? Нам с мамой, когда море взяло нашего папку – вряд ли, а тогда... очень может быть.

Суеверий было много. И даже сейчас я не выношу мусор вечером, никогда не дам взаймы и не возьму соль, не выйду в море в понедельник... Но речь не о том.

О лопских шаманах известно уже давно, а один из них так прославился точными предсказаниями, что его даже возили когда-то к Ивану Грозному. Шаманы... и шаманки тоже, поскольку матриархат. Во все это тогда верили, как и в приметы, как и в лешего, банника и домового.

Лопари Кольского жили оленеводством, прибрежные – рыболовством. А лодки строили, натягивая на каркас из толстых прутьев выделанные особым образом и промасленные оленьи шкуры. Парусность такой посудинки, наверное, была идентична современным «резинкам».

Только спасательных жилетов тогда не было, да и море не озеро или река. Люди часто гибли на промысле – мужчины, конечно. И кто-то из старших семейной общины придумал, как не дать роду вымереть, а заодно и разбавить его кровь свежей. Так что с некоторых пор поморы платили еще и дань детьми. Об этом нам на уроках истории не рассказывали, но общеизвестно, что так «освежали» кровь чукчи – подкладывая своих женщин под чужаков. Лопари же... почему и нет?

Отец рассказывал и не понимал, что в очередной раз убивает дочь подробностями – как ложится мужик, которого выбрала шаманка (покрепче и посильнее понятно) с лопаркой до тех пор, пока она не понесет. С той, которую сам выбрал из нескольких предложенных.

Так он еще и выбирал... холодела Марфа. Которая краше? С которой слаще будет? А потом поняла и еще одно...

- А ты ить, батюшка, куда как видный и баский (красивый) ишпо и зараз... А знала ли мамушка об том, что ты ныне поведал?

- Я Олюшку пуше жизни любил, - крикнул отец, - и то не хотенье наше, а нужда така - заради опчества.

- А блудень вам никак воротом поднимают - без хотенья-то? Пошто ж не со всякой-то тогда, а? - едко сипела Марфа.

- Тихни! – грохнул отец кулаком о стол. И сразу перекрестился на образа, осторожно погладив «господню длань» - не оскорбить бы. Да и криком тоже не дело... поморы крайне редко повышали голос в разговоре.

- Больно мне как, батюшка, - простонала дочь, но внутри кипело и молчать сил не было.

- Тебе хоч стыдобно-то на мамушку гляделось? Она-то небось глаз из окошка не вымала – ждала все.

- Ох и терплю я... - пригрозил отец, неловко отводя взгляд.

- А не от того ли стыдобно, что нужда ваша - сладка? – съязвила Марфа и отрезала: - Не приму его – не трудись зазря. И мужа из чужих возьму – не тех, которы по нужде...

- Шехурины хорош род – из Кимжи, как и Дерягины. Данила...

- Толече мы свой хвост дольше таскаем и куды как богаче Шехуриных, – возразила устало Марфа, - да то не головное... Батюшка, не дай его увидеть – пропаду.

Чего добивался отец, рассказывая о долге перед общиной и такой плате за то, что рыбаков пустят на уловистые морские банки, неясно. Может хотел оправдать Данилу, но вышло только хуже... то, что он еще и выбирал - с кем... Жалость к парню, который признавал свою вину, быстро уходила. Возвращались злость и обида.

Марфа опять умирала внутри, вспоминая ту нарядную лопарку, чего доброго – свою единую кровную сестру. Представляя, как выбирал ее Даня из других. И вспоминал ли... помнил ли тогда о ней? А родил кого - сына, доченьку ли?

Болело ей, болело и мне... жало сердце, прыгнуло давление - тяжелая выдалась ночь. Хорошо одно - с этим сном я окончательно определилась – Марфа и ее отец - Кузьма сын Прокопов, были моими предками. А Дерягины и правда богатый и знаменитый род. Потом, знаю - взялись серьезно и подняли на новый уровень добычу жемчуга, добывали по зиме морского зверя. А «хвост» свой – родословную и правда тащили издревле. И достойно.

Продлить род, не дав ему заглотнуть, нормальная забота для отца Марфы. И продолжить его нужно было ей, раз родить себе сыновей Кузьма не смог.

И она справилась с этим, но вот как? Я надеялась, что еще приснится... а еще набралась смелости и задала на сайте с услугой онлайн-консультации вопрос о многосерийных снах.

У врача-сомнолога немного не тот профиль, но мне объяснили...

Повторяющиеся сновидения — попытка бессознательного достучаться до разума и сообщить о незавершенной проблеме. Такой сон буквально кричит о необходимости изменить отношение к себе или определенным аспектам жизни. Каждый раз психика дает нам время

на исправление ошибки, но повтор сна говорит о том, что желаемой трансформации не произошло.

Сновидения-сериалы могут сниться годами, а иногда и всю жизнь, напоминая, что в очередной раз мы наступаем на одни и те же грабли. Долгоиграющие сны «растут» из детства, когда происходят травмирующие ситуации и зарождаются комплексы. Как только задевается рана, сон сигнализирует об этом, но человек, как правило, послание игнорирует.

Я не игнорировала и проблему свою знала отлично. А вот как решить ее, сны мне пока не подсказали. Да и как тут?.. Разве голову снять по плечи или ноги по колено отнять. Не смешно, конечно...

Что касается Дани... Получается, что лето их расставания – второе. Первый раз он ходил на промысел после той их встречи зимой. Тогда и обрюхатил лопарку... получалось, что ближе к отплытию, в сентябре, а значит кувыркались они все лето. И неважно – принудило «опчество» новенького подчиниться требованиям хозяев рыбных тоней или он геройски вызвался сам.

Важно то, что увидела Марфа - добрый парень нечаянно привязался к ласковой и послушной девочке. Какой силы была эта привязанность - кто знает... Но Марфа простить ее не смогла. Не смогла бы и я.

Глава 10

Странная штука сон. Сколько мы обычно помним его – минуты? Тает в памяти, уходит... мозг будто ластиком стирает необязательную для хранения информацию. А ты пытаешься вспомнить, напрягаешь память... и никак! И даже если сюжет запомнится, то все равно уйдет из головы в течении дня, затертый действительностью с ее хлопотами.

Тот же мой сон... в нем я умирала душой вместе с Марфой. За столько лет я так свыклась с тем, что они с Даней вместе и что существуют отношения действительно идеальные! Когда все так правильно и красиво – с первого взгляда и на всю жизнь, и дети, и внуки потом, и я – самым краешком причастная к их счастью. Как же я радовалась за них и свято в них верила! А заодно и в такую же сказочную возможность для себя в перспективе.

В ту ночь рухнуло все, сон сожрал и мою действительность. Надолго, очень надолго. Не знаю когда чуть легче стало Марфе, но я выползала из убитого состояния недели, а может и месяцы. Это была депрессия и я знала, что время с ней справится, но...

Как ни странно, смертельно жаль было Даню. Марфу я отождествляла с собой и знала, что она справится, она-то вытянет. Говорят, что за каждой сильной женщиной всегда стоит ее личный козел, вынудивший ее стать таковой. Но мою пра ее козел, я уверена, только сделал сильнее - и до этого она была крепка характером. В Даниных же силах я уверена не была, дурака было жаль и я даже... не мечтала, но прикидывала для себя возможность существования гарантий его верности - на случай, если Марфа сможет простить.

Что безусловно – никогда больше он не ходил бы на те тоны и даже в ту сторону. Сам же и не пошел бы, даже условия такого не пришлось бы выставлять.

Кузьма Пропокович уже делал первые шаги в направлении делегирования руководящих полномочий. Бригада нормально работала и без него. А поскольку Марфа и Даня в... пускай будет – далекой перспективе, стали бы наследниками Дерягинского «флота», то такой способ управления можно было продолжить и в будущем. Главное подобрать грамотных исполнителей и заинтересовать их материально.

Уверена, что этот вариант (и не только он) был просчитан и Марфой. Сразу ли, потом ли... все еще чувствами или уже разумом - она лучше знала ту действительность и себя. И обязательно рассмотрела все варианты, с прощением тоже - уверена. Сожаления обязательно были, но не было уже рядом Дани. Дерягин отправил его к родным сразу, как только тот встал на ноги. Выставив, правда, дочери условие, за которое я не стала бы его осуждать – ему нужен был наследник, а девичий век Марфы стремился к критическому. Она легко согласилась – на тот момент согласилась бы на что угодно, только бы не видеть Даню. Для нее это значило дышать без боли.

Я верила и сейчас верю, что он любил Марфу, а та девочка... нельзя пинать, гнать от себя и ненавидеть невинного, а она стала таким же заложником обстоятельств. И уже с его ребенком в животе. Не любовь – принятие ситуации, вот как я видела его проступок и те обнимашки на берегу. Немного ласки, украденной у любимой, много сочувствия и жалости... И выбирал ли он ту девочку? Может просто втолкнули к нему в чум... а перед этим прессовали со всех сторон.

Можно гадать, предполагать и изо всех сил оправдывать того, кого хочешь оправдать – обязательно получится. Потому что это только догадки, а перед глазами стояла действительность - его готовность стать калекой или даже умереть в наказание за... предательство, слабость, ошибку? За что там он себя приговорил?

Но это я, и это сейчас...

В мыслях я отчаянно спасала свой идеал отношений, а она решила вот так. И положила руку на сердце... я поступила бы так же – вначале в силу характера, а потом просто хорошенько подумав.

Марфа и так была сильнее духом, а под гнетом вины Даню совсем пригнуло бы к земле. Союза любящих и равных уже не получилось бы. А нужно ей было – прощать всякий раз, как вспомнится... или ему – провести всю жизнь на коленях? Образно говоря, конечно...

Сказки не случилась и мне понадобилось время, чтобы примириться с этим.

Так же... в силу характера или дурости, я решительно пресекла любые поползновения в свой адрес Олежки Демина. Вежливо, но неотвратимо. Нельзя сказать, что он не пытался, но и слишком настойчив не был. А потом его перевели из скорой, на этом все и закончилось.

Он неправильно повел себя с самого начала. И кажется, я понимала, как двигались шестеренки в его голове – по принципу «и хочется, и колется». Он так и не принял меня полностью такой, как есть, подсознательно ожидая чего-то такого... гаденького. Потому и среагировал агрессивно и молниеносно, будто давно уже внутренне готовился к подобному.

А я не хотела быть проблемой, мне нужно было другое, нужно было иначе...

На Соломбале я быстро поняла одну вещь – «план» по вызовам моим коллегам делала старенькая Марь Михална. Каждый день под вечер у нее прыгало давление, и она вызывала скорую. Отчитать бабулечку и отказать в приезде бригады не хватало совести ни у кого до меня и у меня тоже, потому что определение «божий одуванчик» оказывается не выдумка – они существуют. Маленькая, сухонькая, полностью седая, голубоглазая, улыбчивая – чудо, а не старушка, просто сказочный персонаж. Родом из Шенкурска, в Архангельск еще в молодости приехала за мужем. Давно схоронила его, но возвращаться на малую родину не стала.

- Кому я там нужна, доченька? – светло улыбалась она, подсовывая мне чай, конфетки-леденцы и шанежки.

А нам, получается, нужна?

- Ты ж не серчаешь, миленька? – беспокоилась она, - вам со мной не так и суетно, а план даете.

Изумительно.

Померив давление, которое в ее возрасте по определению не могло соответствовать норме 120/80 – существуют возрастные показания... я лопала шанежки, пила чай и думала. И вскоре мы договорились. Я объяснила ей, что за «перевыполнение плана» вызовов нам не оплачивают, но к ней я уже как бы и привыкла. И предложила заскакивать по пути с работы домой, через два дня на третий. Потом для меня это уже стало почти ритуалом, привычкой. С пустыми руками к Марь Михалне я не приходила, покупала грамм двести докторской, булочку, яблочко или грушку, немного творожка... в вариациях.

Нельзя сказать, что я взяла ее на довольствие, потому что полноценно у нее ужинала. Бабулечка всегда готовилась к моему приходу, а готовила она изумительно – все, как я люблю. Однажды я даже уснула у нее на диване, еле добравшись до него от усталости – были на усилии в районе, там случилось ДТП с несколькими участниками.

Но это потом... а в июле у меня по графику был отпуск – за много времени первый раз в самой середине лета, в самое распрекрасное время. И очень вовремя, потому что все не проходила депрессия – не критично, не тяжелый случай, но что-то из жизни ушло вместе с Даней. Радость? И я решила восполнить ее. Вспоминала всё, что хотела сделать за последние годы и не собралась. Чего хотелось, но по какой-то причине не смогло. До чего не дотянулись руки.

А это и поездка в Малые Корелы, и экскурсия в Голубинский провал, и плавание на экскурсионном теплоходе на Соловки... Что-то да должно было выгореть.

Провести весь отпуск дома в Мареньге я не смогла бы, даже если бы решилась – там жила мама. В детстве я любила папу и маму не задумываясь – за что, как все дети любила –

безусловно и даже вопреки всему. Любила и сейчас, но как-то уже не так. Папки давно не стало и это для него я была светом в окошке, его Светлячком, а вот мама...

Может на отношении ко мне сказалось то, что она едва не умерла в родах, или невозможность (опять же из-за меня) иметь еще детей. Или я разочаровала ее, удавшись в Дерягинскую родню, а может шепутным своим характером... но мама всегда относилась ко мне прохладно. А когда и очень прохладно. После гибели папы – прохладно чрезвычайно.

Я помнила то время – когда мы уже знали, что его взяло море, но тела еще не нашли.

Белое море холодное и малосоленое из-за множества впадающих в него рек, родное и привычное - с блуждающими косами и знакомыми рыбными банками. Мелкое и сравнительно небольшое. Потому и волна на нем крутая и высокая. По ней судно не скользнет мягко с вала на вал, как по пологой глубоководной волне. Здесь штормовая волна раз в десять короче при высоте метра в четыре, а то и шесть. Такая смертельно опасна. Идти по ней нельзя, нужно переждать пик шторма на якорях.

В шторм всегда уходят подальше от берега - его скалы смертельно опасны. А чтобы удержаться на плаву и не быть выброшенным на крутой каменистый берег, нужен надежный мотор. Но и он может заглохнуть и подвести, если водой зальет свечи. И даже если якоря надежны – становой и плавучий с кормы, все равно бывает, что их целые мили тащит по каменистому дну. Даже если выброшены два или три.

Так и взяло папку море... ударило о каютную надстройку, оглушило и сбросило за борт, когда он вышел бросить еще один якорь. Людей спас, а себя не смог.

Тогда мама днями бродила по берегу одна. И совсем одна осталась я, вдруг почувствовав себя ответственной за нее и отложив боль от гибели самого близкого для меня человека на потом – так и было. Потом я привыкала, что папки больше нет, постепенно, медленно, вспышками большого осознания. В интернате меня поддерживала воспитатель, дома же я оставалась одна. С тех пор каникулы я выдерживала с трудом, а в интернат уезжала с радостью.

А тогда считала, что должна успокоить маму, вернуть ее домой. Может для того, чтобы создать для себя хотя бы видимость того, что наша семья еще есть, что она существует. Я волоклась за ней по песку вдоль кромки прибоя и пыталась быть умной, старалась быть сильной. Не плакать, поддержать...

- Мам, если папку вынесет, то к маяку. Мужики наведываются, смотрят между плавником. И военные тоже – им сообщили. Мам...?

Дрожал голос, сжимались до боли ладошки... Но говорила я по делу - море если и отдавало, то через несколько дней, а за это время над телом уже потрудится капшак – мелкий рачок. Лицо могло быть изъедено до неузнаваемости. Об этом я старалась не думать. Забота о маме помогала, но оказалась ей не нужна.

- Домой иди, - глухо отозвалась она, - дай мне отдохнуть от вас обоих.

Вот так... пришлось тогда уйти и думать, думать, думать... Зато уже можно было поплакать.

Мое присутствие после действовало на маму не лучшим образом, и я старалась не напрягать ее им лишней раз. Созванивалась раз в месяц, раз в год приезжала на недельку, стараясь меньше сидеть в доме.

Это было легко – в Мареньге меня ждала куча любимых мест.

Глава 11

Я уже всю готовилась к отпуску, оставалось отстоять всего-то пару смен, когда нас опять дернули в город. А две городские бригады бросили на усиление в район – обеспечивать беспорядки в Коряжме. Там снова разгорался скандал с мусорными отходами. В девятнадцатом мы всей областью отстояли Шиес, но стало только хуже – чувство такое, что власти мстили Северу за непослушание: сейчас планировалась уже не одна, а несколько свалок – в Няндоме, Холмогорах, ну и Коряжме.

Благодаря ЦБК и химзаводу этот город и так был на первом месте в России по болезням... онкологии в том числе. Для полного счастья не хватало только мусорного полигона со вредными веществами, отравляющими болотные воды и ядовитыми испарениями, плодящими аллергиков.

Понятно, народ возмутился. И будто бы до суда дело еще не дошло, но были организованы общественные слушания, а это предполагало большое количество участников. Люди выйдут с них взбудораженными и недовольными, и тогда жди стихийный митинг, который может перерасти в беспорядки – это даже я понимала. Да и не только в этом дело – любое массовое мероприятие всегда обеспечивалось бригадой или двумя.

В это время остальные пахали за себя и за того парня.

Уже к вечеру мы с девочкой-медсестрой умотались вусмерть. За день обслужили семнадцать вызовов – будто специально прорвало. На моей памяти такое бывало считанные разы, это в Москве обслуживают до двадцати пяти вызовов в сутки, не у нас. А тут...

С последнего возвращались ночью на дрожащих ногах и головой, гудящей, как пчелиный улей. Радовало одно – что на этом празднике жизни не было Юльки. Ну и то, что на сегодня, похоже – все.

Уже в комнате отдыха Катя сорвалась и заплакала – устала. Валерьянку ей капал водитель, а я тупо молчала, закрыв глаза и вытянув ноги. Ни мыслей, ни чувств – одна запредельная усталость.

- У меня пятнадцать тысяч все-го – с северными, – рыдала Катя, – а если я замуж не выйду – как ты, ч-что я жрать буду, жить на что? Не хочу, не могу-у больше... уйду-у...

- Уходи, – согласилась я. У меня с регулярной переработкой и как у старшей бригады – тридцать восемь – сорок. Пятнадцать отдаю за поднаем квартиры плюс коммуналка... Да я сто раз собиралась уйти и что? И куда? Где-где у нас фельдшерам платят в разы больше? Сарказм, если что...

А вообще отток людей со скорой последние годы и правда мощнейший – треть состава за восемь лет. Семейные мужики не могут позволить себе работать за копейки, так что на скорой скоро останутся одни женщины. И те вон...

- Четвертая! Мужчина с высокой температурой, вызвал сам, говорит несвязно, адрес...

- Подъем! Последний рывок, Катюха, – с усилием выдернула я себя из кресла.

В легких сумерках белой ночи элитная малоэтажка красиво светилась гладкими, кремового оттенка стенами. Света в окнах почти не было – глубокая ночь. Отозвался мужской голос, домофон сработал.

- Третий этаж... да – здесь, – нажала я кнопку звонка, перехватив ящик и проверив на всякий случай наличие бахил в кармане. На них я разумно сэкономила – по обстановке, конечно. Смело разувалась у бабулечек – там ты и в самых дырявых носках будешь авторитетом, раз медик. Без задержки, не разуваясь, проходила в неблагополучные квартиры. А вот в таких случаях бахилы обязательны – босиком не комильфо и запросто можно нарваться на жалобу – любую, самую неожиданную. Так изгаляются иногда... у меня просто фантазии не хватило бы.

Дверь сразу открыл мужчина - будто ждал под ней. Очень большой мужчина, в мятой, но все равно удивительно красивой шелковой пижаме. Босиком. И он действительно был в неважном состоянии: раскрасневшееся лицо, лихорадочно блестящий взгляд. И его рост... Раньше я внутренне встрепенулась бы и присмотрелась, а тогда сил хватило только заучено промямлить:

- Здравствуйте, скорую вызывали?

- Де-евочка... сисечки какие... приятные, - сконцентрировал он взгляд на моей груди. И тут же ощутимо качнулся, почти падая.

- Блин! – вовремя подперла я эту глыбу плечом, скинув ящик Кате: - Держи.

С моей помощью больной добрался до дивана и с протяжным стоном рухнул на него.

- Голова-а... и кости ломит.

- Сколько времени держится температура? Вы принимали жаропонижающие - парацетамол, ибупрофен?

- Не ибу...профен, - каркнул умник и скривился, тяжело сглатывая: - Ас-спирин. Два раза.

- Горло болезненное?.. Насколько больно глотать... мужчина? – нервничала я, нужна была конкретика.

Катя сунула мне ртутный градусник. У нас еще пользовались такими. Казалось, по старинке как-то оно надежнее.

- Матвей, - прохрипел он, - глотать да - очень больно.

- Нужно измерить температуру, Матвей. Хорошо... давайте так, - сама растегнула я его пижаму – черную с золотым иероглифом на груди и аккуратно вставила подмышку градусник, уже подозревая, каким будет результат - его кожа буквально пылала. Продолжила опрос: - С вами кто-нибудь живет?

- Не состою... в браке, - уставился он на меня воспаленными глазами, - и отношениях. А тебя как?.. Какая ты... злая.

- Рот откройте? - слегка нажала я на челюсть и внимательно осмотрела глотку при помощи шпателя. Мужик раскашлялся.

За спиной расстроено хмыкнула Катя. Градусник показал 39,7.

- Вы с детьми контактировали последнее время? – пыталась я достучаться до пациента.

- И детей нет... лапа, - тяжело вздохнул он, а я задумалась...

Стационар всегда считала вынужденной мерой. Самым крайним выходом, когда другого не остается. А это подозрение на необходимость хирургического вмешательства, обезвоживание или травмы – все это более, чем серьезные поводы. Но при той же ангине можно спокойно лечиться и дома. Скажу больше: стационар – потенциальный риск для пациента. Там куча больных с разными диагнозами и устойчивая к антибиотикам флора.

Налет с миндалин больного легко снимался шпателем, ткани под ним были усеяны специфичными пузырьками белого цвета. При остром респираторном поражается не паренхима миндалин, а в основном слизистая оболочка ротоглотки. При фарингите затрагиваются поверхностные слои гортани, а здесь... Острый тонзиллит, фолликулярная форма? А проще - ангина.

- Мужчина... Матвей! Мы собьем температуру, но я не имею права назначить вам дальнейшее лечение, выписать рецепт и документы для больничного листа. Вам нужна консультация врача, и потом... кто-то должен купить лекарства, проследить за регулярным приемом. Может кто-то из родственников или соседи... кто-то сможет дождаться врача и проследить за вашим состоянием? Кто с вами останется этой ночью?

- Оставайся ты, - прикрыл глаза мужчина.

- Ягодицу оголите пожалуйста, - приняла я от Кати шприц и спиртовую салфетку, понимая уже, что ничего толком от него не добьюсь. Придется госпитализировать.

- Потом обязана... будешь... в курсе? - еще и бузил мужик между приступами болезненного кашля. Фантастика.

- Жениться? - хмыкнула я, - Катюша, сходи посиди в машине и позови мне водителя – сама не спущу вниз... Какой у вас вес?

- Сто двадцать, два метра четыре... - вяло тянул с себя штаны больной, выставя на обозрение совсем не то, что требовалось. Катя тихонько присвистнула, а я вернула ей шприц и как-то завалила тушку на бок, всадив потом в ягодицу жаропонижающий.

- Варя, а собрать ему с собой - чашку там, ложку? - беспокоилась моя медсестра.

- А потом из квартир что-то «пропадает», - тихо проворчала я. Имелся опыт. Ничего... судя по квартире и обстановке... быстро обвела я взглядом комнату... в випке пациенту предоставят все необходимое и даже сверх того.

- Зла-ая... Варенька, - сипел мужчина, хватаясь за горло. Катя побежала вниз, а я быстро заполнила карту вызова. СНИЛС, паспорт...

Егоров Матвей Сергеевич, тридцати четырех лет. Ха... а рост два и четыре, вес сто двадцать? И внизу тоже.... Судя по тому, как непринужденно демонстрировал он свое богатство, госпитализация действительно необходима. На учебной практике я не раз присутствовала при родах и сделала собственный вывод: под влиянием боли всякий стыд отбрасывается мозгом напрочь, исключается вовсе. Здесь же... разные люди переносят высокую температуру по-разному. Похоже, он не совсем и понимал, что говорит и делает. Запомнит тоже вряд ли.

- Катя, с больным ты сядешь? – уточнила я уже внизу, возле машины.

- Варенька... злая, - последовал комментарий. Прелестно...

- Нет уж, Варь, не будь такой злой – садись к нему сама, - повеселела похоже Катя. Ну, а где еще вот так – вживую, она посмотрела бы на чужие мужские прелести? Разве в урологии.

В машине больной вцепился в мою руку и шептал, осторожно покашливая... Время от времени я клала ладонь ему на лоб. Раньше на вызовах никогда так не делала, проверяя температуру. А здесь... раз уж он так одинок, включились инстинкты? Женские, материнские – неважно.

Де-евочка... зачетные сисечки, веснушки для поцелуев, ротик... Человек нес бред, гордил откровенные пошлости. А я слушала - вынужденно. И в связи с его состоянием не чувствовала ни возмущения, ни даже удивления. Больше того – почти засыпала, как в детстве под папины сказки.

Центр распределения указал на областную терапию, там мы шутника и оставили. На то время лоб его стал влажным – температура спала. Но это ни о чем – ночь могла стать кризисной, и даже скорее всего. Как раз под утро может и жхнуть... опять под сорок.

- Варюша, проводишь? – прощаясь, ловил он мою руку.

- Непременно, - убрала я ее, приветливо помахав ему на прощание.

- Улетный мужик! – восхищалась Катя.

- Есть такое, - пришлось признать – что улетный, то улетный.

Меня рубило, я засыпала... К подстанции подъезжала, чувствуя, что в черепной коробке не мозг, а вязкая патока. Смену еле сдала. Может потому так нехорошо и получилось.

- Варь, ну ёп... чем я тебе насолил? – добродушный фельдшер Вова, с лица которого обычно не сходила улыбка, приуныл и смотрел на меня с осуждением. Я даже частично проснулась. И готова была провалиться сквозь землю, потому что все медики знают: никогда не желай коллеге спокойной ночи или счастливого дежурства. А то пахать ему сутки безо всякой передышки. Ни чаю попить, ни поспать гарантированно не удастся.

- Прости, Вова... прости ты меня - дуру грешную, - вяло пыталась я хохмить. Но он только обиженно отвернулся. И зря. Вот нам с Катей счастливого дежурства никто не желал, однако ж...

Дома, только прикрыв входную дверь, я почувствовала тошноту. Потом схватило желудок, противный металлический вкус во рту появился еще раньше.

Гадать о причинах не приходилось... три чашки крепчайшего кофе, выпитые натошак - вся моя еда за сутки. Плохо... Но острый гастрит – не хронический, тем более не язва... тьфу-тьфу-тьфу!

Забросив в себя лекарства, я разделась и скрутилась калачиком на постели, пережидая неприятные ощущения. И тут меня озарило - уже почти засыпающую: не экскурсии, мне нужен спокойный полноценный отдых, а хорошо бы еще и лечение

Глава 12

На следующий день я проснулась ближе к часу дня. И все будто было, как обычно, но все-таки не совсем. За эту ночь внутри меня будто поселилось что-то такое... легкое и хорошее. Выспалась, отдохнула, желудок успокоился?

Как всегда, почистив зубы, я умылась холодной водой и ополоснула грудь и подмышки теплой. Уже вытираясь, нечаянно взглянула в зеркало и тут вспомнилось... Улыбаясь, внимательно рассматривала *девочку* в зеркале. С ума сойти!

Как-то на вызове парень лет двадцати из мигрантов несколько раз настойчиво назвал меня теткой и цели такой - обидеть, у него точно не было. Слабенький словарный запас? Скорее всего. Но обидно было. Глупо и нерационально, конечно, принимать такое близко к сердцу. Я и не приняла, там не до того... кровь хлестала. Но совсем из памяти не ушло, осадочек остался и настроение подпортил.

А теперь я не тетка, а девочка и не просто, а де-евочка... вспоминала я мягкий, чуть хрипловатый мужской голос - приятный. Хрипловатый понятно почему, а вот - приятный?

Уши не фильтруют текст и можно вынужденно слушать нескромности и даже пошлости... но вот смаковать их потом?! Помешательство какое-то... В детстве я свято верила папиным сказкам, потому что именно так он их и рассказывал - тихонечко, мягко, но очень уверенно и убедительно. И опять я готова была поверить. Ассоциации?

А мои веснушки, оказывается - для поцелуев? Их мало - легко можно сосчитать. И весной они становятся ярче - до самой осени, а к зиме совсем бледнеют. Я никогда их не замазывала, а получается - и не нужно было? Для поцелуев же! Сисечки приятные, тут я согласусь - придиричиво разглядывала я себя в зеркале. А ротик - ласковый? Это-то с чего он взял? Бред! Да бред, конечно... И все равно приятно. И смешно. Как мало нам все-таки надо - всего несколько слов, а настроение выше крыши.

Я плохо рассмотрела этого Матвея, больше высматривая состояние и симптомы. Ну, кроме... но там трудно было не увидеть. Остальное же... болезнь никого не красит, но приятный вроде мужик.

Думала об этом все время, пока одевалась, потом завтракала. Жидкой овсянкой, понятно - она хорошо обволакивает слизистую желудка, ускоряя заживление и снижая выраженность болевого синдрома.

И вдруг надумала...

В областной терапии старшей медсестрой работала далекая моя родственница по папе. Седьмая вода на киселе, как говорится, но все-таки... Иногда мы созванивались на праздники, как-то раз меня даже приглашали на какое-то семейное торжество, но поменяться было - никак, хотя я и пыталась. Марина не обиделась - с чего? Сама медик.

Вот мне и подумалось... а почему - нет? Имею право поинтересоваться.

- Большой такой мужик? Ну еще бы не запомнить, - усмехнулась родственница, - еще покапаем, Варь, интоксикация высокая. Вовремя привезли.

- Он уже в сознании? Ничего не спрашивал? - осторожно интересовалась я.

- О чем? А должен был что-то спросить? - не понимала Марина.

- Боюсь претензий, вчера была жестковата, он даже злой меня назвал.

- А-а... понятно. Нет, не вспоминал, хотя понимаю тебя - жеребец из губернаторской конюшни, а там народ балованный. Не переживай - ни слова о тебе. Да ему вчера... как раз - обращать внимание на разную ерунду! Ты все сделала правильно, Сиротюк еще до посева принял твой диагноз. А что жестковато... так с их братом иногда только так.

- И ладушки, - заторопилась я, чувствуя неприятную неловкость: - Все нормально с ним - и хорошо.

- Нормально. Слабый еще, понятно – почти все время спит. Не переживай – прикрою, если что.

- Спасибо, Мариш, созвонимся, - быстро распрощалась я.

Сделала себе кофе и села с ним у окна, как та девица... Наивняк такой! Кажется наши ребята что-то такое говорили... правда по поводу роста зарплат, а не надежд, но... Ну-ка, харя, громче тресни?

Нет, я не расстроилась, даже успокоилась. Привычная колея – по-своему хорошо, спокойно во всяком случае.

Созвонившись с Юлькой, получила новое приглашение съездить с ней на выходные в Новодвинск и познакомиться с мамой. Отказываться в который раз, да еще и находясь в отпуске, было уже неловко. Если Юля звала, да еще так настойчиво, значит ей это нужно – спокойнее, веселее... да мало ли? И мне уже хотелось поболтать, что мы и делали всю дорогу, пока ехали в автобусе – соскучились.

Маргарита Владимировна была зубным техником и еще работала, хотя возраст имела пенсионный. Они с дочкой не были похожи – Юля щупленькая и симпатичная, а ее мама – полная дама с круглым непримечательным лицом. Отношения у нас не задалась сразу. Кроме того, что она всегда была против работы на скорой, так еще и по какой-то причине заметно настроена против меня.

А виновата я оказалась в том, что Юля решила рожать без мужа. Дурная инициатива мол исходила от меня, а «эта дурочка» пошла на поводу. Все это было выплунуто мне в лицо, когда ее дочь куда-то вышла и мы остались в квартире одни.

Ну что тут сказать... виновата?

Не срослось в общем. Интуиция существует – не зря я не хотела туда ехать.

Пришлось срочно придумать причину, чтобы сбежать – со временем Юлька обязательно заметила бы напряженность между нами и расстроилась.

Так что опять автобус, потом прямо с автовокзала – еще один... время поджимало – на специальном форуме я поймала попутный транспорт, а это редкая удача.

Владельцем неплохого водометного катера с открытой каютой и мощным мотором (я могла только догадываться о цене всего этого) оказался мужчина лет сорока по имени Иван Савич. Сам катер был небольшим, с двумя сиденьями и кормой, заставленной канистрами с топливом. А мужчина был одет в черную военно-морскую форму, что странно... Черная сейчас – парадная, повседневная – камуфляж.

Но могло быть все, что угодно, как и у меня – заскочить домой и переодеться я уже не успевала. Удобная одежда была в сумке, но одевать мятую?

С чего я так хотела понравиться Юлиной маме? Во всех отношениях... Непонятно было уже и самой. Тыщу лет не выползала из штанов, а тут вдруг вырядилась в специально купленный по этому случаю сарафан. Темно-синий и с безумно красивой отделкой белым кружевом. Порядком тоже, кстати, уже измятый после езды в автобусах.

И то ли летящая юбка так впечатлила военного, то ли по обыкновению – я сама, но он галантно подал мне руку, помогая взойти на борт и сделал это так непринужденно и естественно, что и я приняла такой знак внимания, как должное. И даже что-то такое... похожее на странную ностальгию, успела почувствовать. Но дальше общение вошло в привычную колею, и общались мы всю дорогу, перекиваясь – мотор был шумным.

При спокойном море и на хорошем моторе пробежать сто сорок километров можно часа за два, но это неэкономный режим, столько топлива на себе просто не утащить. Так что мы не неслись, но и не чапали – дорога заняла почти четыре часа.

Мимо быстро проплывали знакомые места – ушел за спину Северодвинск и устье Паранихи, проплыл мимо небольшой остров у деревни Солза, на котором во времена репрессий стоял женский лагерь и до сих пор остались кресты на братских могилах... потом показались

береговые постройки военных у Неноксы, дальше – Сюзьма, которую море так же загнало на самый угор, размыв то место, где она стояла раньше, а заодно и кладбище.

Все это и многое другое – гораздо более приятное, я комментировала для Ивана Савича, а он заинтересованно слушал. А потом удивил меня в свою очередь.

Дело в том, что лет двадцать назад километрах в трех от Мареньги находился пункт ИП, где военные отслеживали воздушные подступы к Северодвинску и сопровождали испытательные пуски ракет. Давно это было, но я еще помнила их, особенно космические пуски из Мирного. И особенно зимой...

Тогда на небе творилось черт те что - какая-то сказочная феерия! Розовый, малиновый, густо-вишневый, алый цвета! И все это мерцает, переливается, плывет по небу, как северное сияние. Только ярче, в разы ярче и красивее. А все просто – ракетное топливо выжигало озон, отсюда и такой фантастический эффект.

Потом пункт ИП сократили и законсервировали, а рядом на берегу установили электронный маяк. Сейчас же опять что-то мутили и объект должен был обслуживаться личным составом, а жить они собирались в нашем селе, но уже ближе к зиме. Летом, пока вводили объект, то ли наладчики, то ли строители собирались жить на месте в больших армейских палатках. Выспрашивать военные тайны я не стала, но интересовался Иван Савич – не найдутся ли в селе дома под сдачу?

К сожалению – нет, я не знала. Но обещала помочь ему с расспросами.

К берегу, на котором приткнулось несколько рыбацких катеров и лодок, военный подошел грамотно. Песчаное дно, где Шидров ручей впадает в море, глубоко размыло, там катер и причалил. Спрыгнув на утрамбованный приливами песок, крепкий лысый мужик набросил швартовочный конец на специально устроенный деревянный кнехт и развернулся ко мне.

Принял сумку, дождался пока я пройду по планширю на нос и, лихо подхватив меня за талию, аккуратно опустил на берег. Мой выход из катера получился тоже красивым, и опять я этого не ожидала. И даже слегка растерялась, наверное.

- Спасибо, - порозовев, я взглянула на военного с уважением.

- Эх, где мои лучшие годы, Варвара... - с сожалением мотнул он головой, напялил на нее фуражку и по-джентельменски предложил мне локоть. Самым нормальным и естественным мне показалось принять его. Мужчина подхватил мою сумку и... мы пошли.

В Мареньге совсем нет дорог, только заросшие травой широкие тропинки. Все просто – нет транспорта, нет и дорог для него. До нас вообще можно добраться только морем. Через леса с болотами круглогодично проходимых дорог нет. Правда лютыми зимами, когда лед ложился даже на теплое болото, становился зимник. Но им мало пользовались, почти не...слишком большой приходилось делать круг.

И вот шли мы под руку по открытой местности и по такой вот тропинке - к домам. Красиво шли. Можно сказать – эпически: моряк в черной с золотом форме и я в нарядном сарафане. У тех, кто мог нас видеть, мысли могли быть только об одном...

Но не по этому поводу я переживала. Просто стало вдруг как-то печально, что ли?

Не я вела военного по родному селу, это он уверенно и решительно вел меня, не особо и спрашивая – куда. И куда в результате завел бы – Бог его знает, но уверенность эта впечатляла. Больше того – она странным образом подчиняла себе, внушая необъяснимое доверие к незнакомому, по сути, человеку.

Ощущения были новыми для меня, поэтому непривычными и да - странными. Может поэтому и растерялась слегка, с головой окунувшись вдруг в то, что чувствовалось очень правильным и больше того – исконным и глубинным каким-то.

Я послушно шла за мужчиной, как испокон веков ходили женщины и грустно размышляла о том, что если бы Олечка действовал хоть чуточку похоже...

Был бы он чуть более уверен в себе и решителен...

И куда бы я на фиг делась.

Глава 13

Военный донес мне сумку до самого дома. По дороге я успела проинструктировать его к кому лучше обратиться по поводу поднаема жилья.

- А ваша матушка, Варя?

- Мама неразговорчивый человек. И не особо приветливый, - призналась я, - а вот Личутин точно вам поможет - непьющий серьезный мужик, организовал здесь небольшой бизнес. У него катер попроще вашего, но больше... возит продукты из города – самые необходимые.

- А остальные чем занимаются? Сколько здесь населения?

- Четырнадцать мужчин – знаю точно. Рыбачат... браконьерят немного по семге. Многие пьют, к сожалению, хотя люди неплохие, замечательные рыбаки.

- Работа людям нужна – дело, особенно мужикам, - кивнул военный, - чтобы мужиком же себя и чувствовать. Для нас настоящее мужское дело, наверное, даже важнее разных нежных чувств... - отстраненно усмехнулся он, - на флоте говорят: если жена мешает службе – бросай жену. Состояться в каком-то деле не важнее семьи – нет... но без него можно потерять себя. Тогда и начинаются завихрения в голове и тяга к пьянству в их числе. А значит и семье вскоре конец - все связано. Ну... не буду задерживать и задерживаться тоже. Мне еще возвращаться сегодня.

- Не слишком для одного дня? – усомнилась я.

- Видел прогноз... уже к ночи ожидается легкое волнение, а к утру заштормит.

- И что за срочность, чтобы обернуться одним днем? – не понимала я.

- Дела. В том числе подбор кадров на точку. Мне нужно было знать, что обещать людям, понимать куда их отправляю, какие тут условия.

- А ваша форма? – улыбалась я.

- А моя форма – мое лицо. И мои полномочия, и мой авторитет, и гарантии местным тоже - вы верно поняли. Ну... хорошего отпуска? Может когда и увидимся, с инспекцией сюда буду и не раз.

- Только я редко здесь бываю, - протянула я ему руку, прощаясь.

Мужчина принял ее и, поднеся к губам, легко поцеловал.

- Со всем уважением к медикам, Варя, и к вам соответственно. Спасибо за компанию, вы скрасили мне дорогу. И всего доброго.

Предложить ему деньги за горючку, как было общепринято, язык не повернулся. Я еще постояла с минуту, глядя, как он уходит в сторону личутинского дома... Вздохнув, развернулась и потопала к крыльцу.

В окне мелькнуло мамино лицо, открылась дверь.

- Варя? Кто это, почему он уходит? – растерянно смотрела она на удаляющуюся мужскую фигуру.

- Мужчина с форума, мам – подбросил на катере, бесплатно.

- А замуж ты не собираешься, - холодно кивнув мне, шагнула она в сторону, пропуская меня в дом.

- Мам, - улыбнулась я, - ну что я сделаю - не берут гады.

- А за него, за этого? Под ручку шли...

- Нет, мам... Я соскучилась, как ты тут? – обняла я ее и чмокнула в щеку.

- Хорошо. Умойся и переоденься... кормить буду, - провела она рукой по моей спине и отвела взгляд. Заспешила, засуетилась... все, как всегда.

Уже поздним вечером, уловив звук лодочного мотора, я проводила взглядом катерок Ивана Саввича. Отсюда он казался маленьким и ненадежным. Но это ерунда – обстановку по погоде он знает, экономить топливо не станет, добежит за пару часов.

А ветерок и правда задул и унес комаров, стало прохладнее. Предупредив маму, я пошла посидеть на берегу. И соскучилась, и просто захотелось подумать, чтобы никто не мешал.

После одиннадцатого класса я хотела сразу поступать в мед.университет, но воспитатель не советовала:

- Потеряешь год, там сумасшедший конкурс. Иди вначале в училище. Потом, с начальным медицинским, рабочим стажем и хорошей характеристикой поступить будет легче в разы. Сдашь внутренний экзамен...

Я согласилась, но потом с университетом передумала. Это шесть лет... долгих шесть лет, а я *уже* работала, я уже была в профессии. И до сих пор считаю, что поступила правильно. Так что то, что давило последнее время на мозг и портило настроение - непонятное беспокойство, недовольство непонятно чем, к профессиональной стороне моей жизни отношения не имело.

Отношения с мамой? Нормально... Она не обижала меня, а я ее. А остальное, это ее особенность. Люди разные. Так что тоже – мимо.

А то, что тянет где-то внутри и беспокоится, наполняя меня чем-то новым, совсем новым... это началось с Матвея и вдруг продолжилось с Иваном Саввичем. Было что-то такое в обоих мужчинах... благодаря чему я кое-что поняла. Раньше не совсем и знала - чего, собственно, хочу, а тут вдруг определилась.

Хотя-а... свое счастье я всегда видела простым – неторопливым, надежным, уютным... может даже немного ленивым. Бурных страстей уже не хотелось – ушли те времена. Любовь как пришла, так однажды может и уйти, она не гарантия счастья. Вон, как у Марфы с Даней - горело, полыхало, а счастья не случилось.

Так что мои детские, и не только, травмы диктовали другой идеал отношений. Просто раньше я в него не особо верила, ну, а теперь знала, что мужчины, которые могут вписаться в него, есть. Они бывают, случаются, существуют.

Только таких я и видела в отношениях, где двое в первую очередь уважают друг друга. Любят, хотят – прекрасно, но уважение на первом месте. Вот папа маму уважал – с возрастом я поняла это. Уважал ее отстраненность и неласковость, уважал ее право быть такой и любил ее такую...

Впишусь ли я в идеал такого мужчины – вопрос не стоял. Я просто рассуждала и определялась, о конкретном человеке речи не шло. И метаться в поисках, а потом гнаться за своей мечтой я тоже не собиралась. Просто поняла чего хочу.

Этот отпуск я запомнила надолго – самый спокойный, самый беззаботный и самый вкусный тоже. Я объедалась клубникой, несколько раз ходила за ручей по малину. К ее зарослям подходила с песнями – гоняла медведей. Помогала маме на огороде – уже поспела крупная редиска, подрос укроп и зеленый лук.

Вдвоем с ней мы пекли пироги, сушили грибы и парили чернику, а в непогоду, сидя у окна, вязали топтуши для дома – что-то типа чешек из толстой шерстяной пряжи. А еще в плохую погоду я читала - много, запоем.

Часто ходила на рыбалку и варила потом густую уху – лечила желудок. И часто сидела на берегу. В июле у нас есть на что поглядеть. И как резвятся в море белухи – вдоль берега идет селедка, а они на ней кормятся... как садится в малиновые тучи солнце, а поверхность воды больше похожа на золотую рыбу чешую... как тихо шевелит волна огромные шапки желтоватой пены вдоль кромки прибоя...

Но лучшим приключением стало, когда по просьбе соседей я присмотрела за двумя подростками, а заодно и сама покаталась на плоту по лесному озеру. Мы ставили рогатки на шук и удачно - возвращались с уловом. Четырнадцатилетние мужики тащили на себе килограмм по десять, мне же тяжесть «не доверили». Было смешно, но и приятно тоже... чувствовала себя *девочкой*.

В жару я уходила купаться подальше – по праву руку, за ручей... туда, куда Марфа звала Даню по теплу. Где они, скорее всего, встречались и любили друг друга. Там и сейчас сохранились залежи старого плавника – остатки разбитых волнами плотов из соснового кругляша, которые сплавляли когда-то по Двине. Искупавшись в море, я легла загорать на покрывале между серыми от старости бревнами, вросшими в песок.

Иногда находило... и тогда я плакала – по их любви, по себе... Мама была неправа – я хотела замуж, но на своих условиях, что исполнится вряд ли – хватало ума это понимать.

Больше того – я так захотела вдруг замуж, что запросто перешагнула бы через себя и позвонила Олегу, чтобы пригласить его в кино или кафе. Все-таки он немного нравился и я уважала его, как специалиста. Всё так... если бы не одно «но» – уважения к себе в том же «довлешь, Варвара» я не видела. Отколоть бы из его отношения ко мне маленький кусочек, чтобы можно было сказать – понимаю... но я не понимала. Ни того, как проходилась по мне своим юмором, ни настоящей причины того его взрыва и драки.

В августе возвращалась в город с радостью – соскучилась. По Марь Михалне, к которой каждый день забегал хотя бы на пару минут кто-то из наших... по Юльке, которая порядком увеличилась в размерах... и просто по своей работе. Летом вызовов к пенсионерам меньше, зато активизируются на каникулах школьники и возрастает количество травм и кишечных инфекций. И все равно летом чуточку полегче, лето есть лето...

Приказом, не спрашивая согласия, меня опять перекинули на городскую подстанцию. А где-то через неделю после выхода из отпуска погнали на обеспечение, на этот раз – похороны. Бывало и такое, если провожали кого-то из высшего эшелона местной власти. Или бизнеса.

Вначале мы стояли у Михаило-Архангельского кафедрального собора. Потом вслед за кавалькадой легковых автомобилей переместились к кладбищу. Здесь уже нужно было не просто посидеть в машине, но и постоять в сторонке среди могил. И будто бы в этот раз наше присутствие оказалось оправдано – молодой женщине стало плохо. Вдова или дочь... Двое мужчин, поддерживая с двух сторон, выводили ее из толпы. А я поспешила навстречу с ящиком.

И напоролась на симуляцию обморока.

Взмахнув рукой и горестно прикрывая ею лицо, блондинка в черном стала падать на руки мужчин – медленно, красиво, аккуратно сгибая колени. Я было остановилась, но... нужно сыграть? Сыграем – дел-то, может для того сюда и вызваны.

Проверив пульс, я только уверилась в своей догадке. Но нашатырь под ноздри честно пихала и веко тоже задирала старательно – чтобы забота моя хорошенько прочувствовалась.

Не знаю, что меня вдруг разозлило. Наверное, успела вспомнить свое, нечаянно проникшись тяжелой атмосферой похорон. А тут...

И еще одно... Бригады скорой помощи формируют исходя из примерного норматива – одна бригада на сто тысяч человек обслуживаемого населения. Этот норматив носит не жесткий, а скорее рекомендательный характер и каждый субъект федерации может самостоятельно определять нормативы и нормы. И если уж в администрации не знают, что нагрузки на нашу подстанцию выше средних и они продолжают расти с каждым годом и даже месяцем... Потому что население Архангельска, как и всех больших городов растет за счет оттока из провинции. А нас дергают вот так...

Так что злилась я не конкретно на что-то, а скорее комплексно.

На злобное шипение скорбящей в том числе. Ну убейте меня! Но все действия по приведению в сознание я произвела добросовестно.

Основными клиническими признаками обморока является замедленное пульсирование сердца, кожа становится бледной или серой. Человек падает, не успевая амортизировать коленями и уж точно при этом горестно не жестикулирует. Обморок, это серьезно, даже могут

наблюдаться судороги. И даже некоторое время после человек еще дезориентирован, ему необходимо время, чтобы «прийти в себя».

Что я и объяснила вполголоса одному из мужчин в ответ на агрессивные претензии. Спокойно объяснила и так же спокойно оглядела толпу, прикидывая насколько наше присутствие здесь необходимо дальше.

Взгляд нечаянно выхватил из толпы высокую мужскую фигуру в темном классическом костюме. Не узнать Матвея было сложно. И он тоже смотрел на меня во все глаза, будто не веря им или даже сам себе. А потом широко улыбнулся и двинулся в мою сторону быстрым шагом. И все так же улыбаясь, выдал вместо «здравствуйте»:

- Варенька... так ты все-таки не сон. И опять злая?

Глава 14

Сейчас я думаю, что этот момент и стал переломным для меня и моей не длинной пока еще жизни.

И нет... «Ваня, я ваша навеки!» не случилось. Больше того – глядя на него, я вдруг и правда разозлилась. И не только – еще и обиделась. Но в этих своих тараканах я разобралась сразу - когда развернулась и направилась к машине, а потом вызвала по рации диспетчерскую, чтобы доложить:

- Седьмая свободна, давайте вызов.

Хлопнула дверка – в машину заскочила напарница, водитель провернул ключ зажигания... Егоров Матвей Сергеевич, тридцати четырех лет отроду, остался стоять чуть в стороне и молча смотрел нам вслед.

Я не чудила и не выделялась

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.